

действительно состоялась первая по времени морская поездка русских к берегам Испании. Три корабля — «Девонжир», «Кронделинде» и «Амстердам Галей» под командой капитана Кошелева вышли из Ревеля и 16 августа того же года прибыли в Кадис.<sup>1</sup>

А. В. Ефимов считает, что объяснение экспедиций в Тихом океане в первой половине XVIII в. «... главным образом стремлением развить торговлю с Востоком и с Америкой (С. М. Соловьев, А. А. Покровский) ... противоречит фактам»,<sup>2</sup> так как они преследовали гораздо более широкие цели. Но, как нам кажется, преследование экспедицией нескольких целей совершенно не исключает того обстоятельства, что торговые интересы России на Дальнем Востоке и в Тихом океане были одной из основных причин этих экспедиций.

Хотя цели первой и второй Камчатских экспедиций и не являлись специально географическими, не подлежит никакому сомнению, что в числе основных заданий, поставленных перед ними, было и разрешение вопроса о северо-восточном проходе, занимавшего в течение столетий умы географов всего мира и имевшего первостепенное практическое значение.

Переходим теперь ко второму вопросу — об относительном значении Витуса Беринга и Алексея Чирикова, двух главных деятелей камчатских экспедиций.

Петр I, как известно, назначил начальником экспедиции Витуса Беринга — датчанина, приглашенного им на русскую службу еще в 1704 г., именно потому, что он «в Ост-Индии был и обхождение знает». В качестве помощников назначили лейтенантов Мартына Шпанберга и Алексея Ильича Чирикова. Но фактические заслуги А. И. Чирикова как в первой, так и во второй Камчатских экспедициях были значительно выше заслуг их официального руководителя. Эту выдающуюся роль Чирикова очень резко подчеркнул М. В. Ломоносов в своем заключении на работу Вольтера по истории Петра I: «... в американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей».

В середине XIX в. разгорелась борьба между академиком К. М. Бэрм, отрицавшим ведущую роль А. И. Чирикова, и известным историком русских морских экспедиций — Ал. Соколовым, доказывавшим его особые заслуги. Советскими исследователями неоднократно подчеркивалось выдающееся значение Чирикова. Но все же и до сих пор этот крупнейший

<sup>1</sup> А. А. Покровский. Там же, стр. 25.

<sup>2</sup> А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948, стр. 207.

ученый моряк первой половины XVIII в. еще недостаточно оценен. До сих пор не имеется подробной биографии Чирикова, нет полного анализа его роли как ученого.

Между тем уже в самом начале плавания, во время первой Камчатской экспедиции, выявились исключительные качества молодого 25-летнего офицера,<sup>1</sup> не только как талантливейшего мореплавателя, но и как ученого-исследователя.

13 августа 1728 г., т. е. через месяц после выхода бота «Св. Гавриил» в море, Беринг на 65°30' с. ш. созвал «консилию» для решения вопроса о дальнейшем маршруте плавания. Мнения разделились. Шпанберг предлагал плыть на север до 16 августа, и если на широте 66° не найдут перешейка, повернуть назад. А. И. Чириков решительно возражал, считая, что точно разрешить вопрос о проливе можно, лишь дойдя до Колымы. Если к 25 августа это не удастся сделать, то надлежит зимовать против Чукотского полуострова на земле, о которой говорилось в «сказке Петра Татаринова».

Полностью содержание этого предложения А. И. Чирикова было следующим: «Понеже известия не имеется, до которого градуса ширины из северного моря, подле восточного берега Азии, от знаемых народов Европейским жителям бывали, и по оному не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкою, ежели не дойдем до устья реки Колымы или до льдов, понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды, того ради надлежит нам непременно, по силе данного вашему благородию указа, подле земли итти, ежели не воспрепятствуют льды или не отойдет берег на запад, к устью реки Колымы, до мест, показанных в е. и. в. указе, а ежели земля будет наклоняться еще к N, то надлежит по двадцать пятом числе сего настоящего месяца, где бы можно было зимовать, а наипаче против Чукотского носа, на земле, на которой по полученной сказке от чукочь через Петра Татаринова имеется лес. А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавени».<sup>2</sup>

В этом предложении обращают на себя внимание несколько моментов:

1) Настаивая на том, чтобы плыть до Колымы, А. И. Чириков продолжал славную традицию русских моряков XVII в.

<sup>1</sup> А. И. Чириков, как это установил по обнаруженным им документам А. В. Ефимов, родился в 1703 г.

Члены первой Камчатской экспедиции выехали из Петербурга в начале 1725 г. Но только 13 июля 1728 г. вышел в море бот «Св. Гавриил» с Берингом, его двумя помощниками и другими участниками плавания.

<sup>2</sup> А. С. Полонский. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 года.— Зап. Гидрографич. департамента Морского мин., ч. VIII, СПб., 1850, стр. 551—552.

Он, очевидно, рассматривал данное плавание как один из многочисленных этапов путешествий мореходцев по «Студеному морю». Какая противоположность Берингу, стремившемуся лишь добросовестно выполнить требования инструкции и отступившему, как мы увидим далее, при первом серьезном затруднении!

2) Предложение плыть именно до Колымы обнаруживает чрезвычайно широкий географический горизонт А. И. Чирикова. Мы знаем, что с научной точки зрения отсутствие перешейка между севером Азии и Америки можно было считать вполне безоговорочно доказанным лишь после того, как были тщательно исследованы менее всего изученные воды Ледовитого океана между Чукотским полуостровом и Колымой. Это было выполнено только почти сто лет спустя, во время экспедиции Ф. П. Врангеля.

Таким образом, А. И. Чириков высказал научное требование, осуществленное лишь столетием позже.

3) А. И. Чириков, предлагая зимовку против Чукотского носа, ссылается на «скаску Петра Татаринова». Сопоставление ссылки А. И. Чирикова на Татаринова с текстом «скаски» Петра Попова, бывшего в 1711 г. на Чукотке и давшего показания о противолежащих островах и «Большой Земле», не оставляет сомнения в том, что Татаринов — тот же Попов. Так как «скаска» П. Попова была опубликована лишь в 1736 г., то, следовательно, А. И. Чириков был знаком с подлинным документом. Это служит доказательством того, что, перегруженный текущими делами экспедиции, он производил сам научные изыскания, изучал и правильно оценивал материалы, относящиеся к северо-востоку Азии и прилегающим водам Тихого и Ледовитого океанов. Другими словами, он проявил качества настоящего ученого. Это и неудивительно, так как до отправления в экспедицию А. И. Чириков некоторое время был преподавателем, а по существу профессором Морской Академии и подготовил в ней около 130 офицеров.

Если бы Беринг принял предложение своего талантливого помощника, весь ход открытия пролива мог бы быть совершенно иным. Но Беринг, как мы знаем, внял советам Шпанберга. Достигнув  $67^{\circ}18'$  с. ш. и не обнаружив перешейка, он приказал повернуть назад. 2 сентября 1728 г. корабль пришел в устье р. Камчатки. После зимовки на полуострове и непродолжительных неудачных поисков американского берега летом 1729 г. «Св. Гавриил» 23 июля 1729 г. вернулся в Охотск, не разрешив поставленной перед ним задачи.

Ведущая роль А. И. Чирикова ярко сказалась во второй Камчатской экспедиции (1732—1743 гг.).

Вызванный в Петербург из провинции, он снова был назначен помощником к Берингу, возглавлявшему экспедицию. В самом начале ее организации Беринг и А. И. Чириков сделали замечания на полученные инструкции, но характер этих замечаний оказался резко различным. Беринг касался преимущественно организационно-хозяйственных вопросов. А. И. Чириков сосредоточил внимание на главнейших пунктах, относящихся к маршруту путешествия. Он указал на противоречия в инструкции, предлагавшей в одном параграфе идти до «ишпанского владения мексиканской провинции», т. е. на юго-восток от Камчатки, а в другом — на северо-восток «даже до 67 градусов».

Как известно, требование инструкции идти на юго-восток от Камчатки до американских берегов базировалось на неверной карте, составленной Иосифом Делилем и содержащей несуществующую землю де-Гама. А. И. Чириков критиковал эту карту, указывая, что до Мексиканской провинции «по объявлению профессора Делильда, от Чукотского угла расстоянием 45 градусов; а оные места лежат южнее Калифорнии в северной ширине 25 градусов ниже, а от Камчатке меж зуйда и оста расстоянием близ 5000 верст русских, и то, ежели прямому пути не препятствуют острова»<sup>1</sup> (разрядка моя.— Д. Л.).

Далее, критикуя требование инструкции идти на восток «даже до 67 градусов», А. И. Чириков приводит против этого очень веские соображения. Он пишет, что нет никакого смысла плыть до 67°, так как офицеры, составляющие один из отрядов экспедиции, посылаемый из Якутска по Лене и Ледовитому океану до Камчатки, могут установить, отделяется ли северо-восток Азии проливом от Америки. Острова севернее 67° хотя и имеются, но, вероятно, они безлюдны, и трудно сказать, найдутся ли там залежи руд. Лучше же всего искать острова у самой Америки между 50 и 65° с. ш., где мягче климат и должны быть жители. Учитывая имеющиеся в то время географические сведения, А. И. Чириков полагал, что американский материк не должен находиться очень далеко от восточной части Чукотского полуострова. Он, в частности, ссылаясь на донесение капитана Павлуцкого, считая, что в нем речь идет именно об Америке.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> В книге «Экспедиция Беринга». — Сб. документов. Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941, стр. 206—207.

<sup>2</sup> Капитан Павлуцкий в своем донесении с Камчатки привел показания чукотч, данные в 1730 г. Афанасию Мельникову, что на расстоянии одного дня хода от Чукотского носа имеется остров, «а от того острова, вперед до другого острова, который называется Большая земля, день же ходу» (Экспедиция Беринга..., стр. 94).



А. И. Чириков настаивал на том, что нет оснований плыть на юг до испанских владений к «Мексиканской провинции» для того, чтобы убедиться, что экспедиция достигла побережья Америки. Это вполне можно будет установить на протяжении  $15^\circ$  между  $65^\circ$  и  $50^\circ$  широты, «ежели неразрывный берег увидим».

Какая широта географической мысли отражается в этих заметках и насколько правильным было представление Чирикова о географии северных побережий Тихого океана, далеко опережающее и знания Беринга и, особенно, уровень знаний в этой области зарубежной науки! Они снова доказывают, что А. И. Чириков был не только моряком, но и выдающимся ученым-исследователем своего времени.

Правда, пролив Беринга расположен примерно между  $64^\circ$  и  $67^\circ$  с. ш., т. е. его северная часть лежит в несколько более высоких широтах, чем та, до которой предлагал плыть А. И. Чириков. Но ведь он вполне основательно указывал, что несколько отрядов экспедиции, организованной вместе с Камчатской и получившей затем в литературе наименование Великой Северной, должны были обследовать побережья Ледовитого океана. Они прошли бы к проливу Беринга с севера, а корабли Беринга и Чирикова с юга. Мы знаем теперь, что между  $50^\circ$  и  $65^\circ$  с. ш. лежат как раз Аляска, примыкающее к ней побережье Америки и гряда Алеутских островов, т. е. территории, действительно населенные и богатые пушниной и золотом. Это свидетельствует о точности сведений, которыми располагал А. И. Чириков. В Западной Европе об истинном местоположении северо-запада Америки в то время не имели представления.

Замечания, сделанные А. И. Чириковым, наряду с соображениями политического порядка, были учтены Адмиралтейств-коллегией и привели к изменению конечного пункта экспедиции. Но требование идти первоначально на юг к земле де-Гама осталось.

Подготовительный период растянулся на несколько лет. Видя, что строительство пакетботов в Охотске задерживается, А. И. Чириков предложил весной 1740 г. лично провести разведочное плавание и «осмотреть места, лежащие от Камчатки меж Норда и Оста против Чукоцкого носа и прочие Западной стороны Америки».<sup>1</sup>

Это упорное стремление исследовать именно указанные районы — не случайность, а убеждение, обусловленное широким географическим горизонтом А. И. Чирикова. Если бы Беринг его послушал, вопрос о существовании пролива мог бы

<sup>1</sup> В книге «Экспедиция Беринга» — Сб. документов..., стр. 325.

быть решен в 1740 г. и, во всяком случае, результаты второй Камчатской экспедиции были бы менее трагичны и более плодотворны для науки.

Но Беринг не внял и на этот раз советам своего помощника. Наконец, два пакетбота — «Св. Петр», которым командовал Беринг, и «Св. Павел», которым командовал А. И. Чириков, были построены и достигли Камчатки. Перед походом Беринг 4 мая 1741 г. созвал «консилию», предложив обсудить маршрут, исходя из данных злополучной карты Делиля.

А. И. Чириков снова настаивал на том, чтобы плыть прямо на северо-восток между 50 и 65-й параллелями. Офицеры также склонялись к этому. Но Беринг придерживался буквы инструкции, требовавшей искать фантастическую землю де-Гама. Поэтому, чтобы не создавать раскола, решили «единогласно, но не единодушно», как образно выразился А. И. Соколов,<sup>1</sup> идти сперва на юго-восток до 46° с. ш.

4 июня 1741 г. пакетботы вышли в море из Авачинской губы на Камчатке. И почти тотчас же «с полудня 6 июня Беринг приказал А. И. Чирикову следовать наперед, как будто отдавая преимущества его опытности и бдительности».<sup>2</sup> 12 июня достигли условленных 46° широты и, как это подчеркнул А. И. Чириков в своем рапорте 7 декабря 1741 г., «точию земли не получили и потому открылось, что земли Иан де Гамма нет, понеже мы место, где надлежало ей быть, перешли все через».<sup>3</sup> В июне корабли повернули на северо-восток и 20 июня 1741 г. потеряли друг друга из вида.

Дальнейшая судьба их была резко различной. Беринг, как известно, после разлуки снова отправился на юг, видимо, желая буквально придерживаться инструкции, и потерял время, столь дорогое в плавании. Лишь 25 июня, «достигнув 45°16' с. ш., он повернул на восток и затем на северо-восток». Дойдя до побережий Америки на 1½—2½ суток позже А. И. Чирикова, «Св. Петр» отправился в обратный путь. Часто менявшийся курс корабля указывает на большую нерешительность его командира. После тяжелых испытаний, пройдя вдоль части Американской гряды, пакетбот достиг острова, ныне носящего имя командора — начальника экспедиции и ставшего могилой его, а также многих участников экспедиции.

Плавание А. И. Чирикочеа, хотя также протекавшее в очень тяжелых условиях, носило совершенно иной характер. После разлуки, сделавшись полновластным начальником,

<sup>1</sup> А. Соколов. Северная экспедиция 1733—43 гг.— Зап. Гидрограф. департамента Морского мин., ч. IX, СПб., 1851.

<sup>2</sup> Там же, стр. 377.

<sup>3</sup> В книге «Экспедиция Беринга».— Сб. документов..., стр. 274.

А. И. Чириков быстро повернул на восток «и июля 15 числа... в северной ширине в  $55^{\circ}36'$  получили землю, которую признаваем без сумнения, что она часть Америки, понеже по картам издания норильберского географа Иоанна Баптиста Гомана и по прочим от сего места отстоят уже не очень далече известные некоторые американские места». <sup>1</sup> И, действительно, это был мыс Аддингтона на одном из островов, расположенных непосредственно у юго-восточных побережий территории Аляски.

На обратном пути А. И. Чириков с спутниками открыли несколько островов в группе Алеутских «и осмотрели около 400 верст» земли. Правда, большую часть этой «земли» А. И. Чириков считал сплошной территорией. Но вспомним, что «Св. Павел» часто не мог подойти к островам из-за потери мелкосидящих шлюпок, что А. И. Чириков очень спешил и что Алеутские острова весьма близко следуют один за другим. При таких условиях ошибку А. И. Чирикова нельзя считать грубой, тем более, что он допускал островной характер некоторых из виденных им «земель» на западе гряды. Чириков, хотя и с тяжелыми жертвами, но довел свое плавание до конца, и 10 октября 1741 г. «Св. Павел» вошел в Авачинскую бухту — начальный пункт отправления.

Все сказанное дает полное основание считать роль А. И. Чирикова и результаты его путешествия гораздо более значительными, чем официального главы экспедиции. Поэтому совершенно неправильно называть первую и вторую Камчатские экспедиции экспедициями Беринга, как это имеет место до сих пор и в советской литературе. Если им давать персональное наименование, то в нем должны фигурировать фамилии обоих главных руководителей — как Беринга, так и А. И. Чирикова.

<sup>1</sup> Там же.

## ПОИСКИ ПУТЕЙ В ИНДИЮ

Выше уже указывалось, что огромные трудности отыскания северо-восточного морского пути в Китай и Индию направляли внимание деятелей петровского времени на поиски путей в Индию через Среднюю Азию.

В нашей работе по истории географических знаний допетровской России XVII в.<sup>1</sup> довольно подробно рассматривался вопрос о поездках русских в Среднюю Азию и собирании ими сведений об Индии. Напомним здесь лишь о том, что уже в XVI в., при Иване IV, начались дипломатические сношения с Бухарой, первый посол которой приехал в Москву в 1589 г.<sup>2</sup>

В течение XVII в., до Петра I, в Бухару и Хиву направлялись многочисленные посланцы с торговыми и дипломатическими целями. Оттуда также часто приезжали посланники и купцы, с которыми велась оживленная торговля. Так, например, из всех купцов, привозивших в 1653 г. товары в Томск, было 7 русских и 3 бухарца.<sup>3</sup>

5 декабря 1668 г. переводчик Посольского приказа Андрей Виниус подал в него «статьи» о постройке каторг (весельных судов) для плавания на них по Каспийскому морю. Указывая, что, по его мнению, суда такого типа наиболее пригодны именно для Хвалынского моря, Виниус писал: «Не токмо с персидами, но и с иными народы, облажащих вокруг того моря, где те каторги будут приходить мочно в пристанищах промысел торговых учинить и в верховые города с каторгами будет реки великие ехать», т. е. на этих же судах окажется возможным подняться и по рекам, впадающим в Каспий. И далее: «А буде сыщется реками великими путь в Индею и

<sup>1</sup> Д. М. Лебедев. География в России XVII века (допетровской эпохи). М.—Л., 1949.

<sup>2</sup> А. Н. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом.—Зап. Русск. геогр. об-ва. СПб., 1853, кн. 9, стр. 237.

<sup>3</sup> Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882, стр. 12.



промысл торговой учинится, то самая великая прибыль великого государя казне и московскому государству имать быти».<sup>1</sup>

Посылавшийся в 1669 г. в Балх подьячий Медведев собрал благоприятные сведения о дороге через Среднюю Азию, сообщив, что «... индийская дорога из Балху (идет.— Д. Л.) жилыми месты и никакова дурна, грабительства и налоги не бывает». Он же дал описание нескольких маршрутов из Балха в Индию.<sup>2</sup>

Таким образом, и эти проблемы, как и ряд других, имели свои истоки в допетровском времени. Но и здесь мероприятия в рассматриваемый нами период по своим размерам и характеру далеко превосходили все то, что делалось до этого.

### ПУТЕШЕСТВИЕ СЕМЕНА МАЛЕНЬКОГО

В 1694 г. из Приказа Большой Казны в Индию через Персию был послан купчина Семен Маленький «с товары, с юфтью красною, с сукны голандскими и англинскими тонкими, с костью рыбьею».<sup>3</sup> Ему велено было описать путь и представить сведения о посещенных странах.

Выехав в ноябре 1694 г. на бусах из Астрахани, Маленький и его слуга Андрей Семенов достигли «пристани, называемой Низовой» (Низабад), откуда сухим путем прибыли в Шемаху. Прожив там несколько месяцев, поехали «сухим же путем в Испагань» (Исфаган), где снова задержались. Из Исфагана добрались «до пристани Персидской, именуемой Бендер-Абаса (Бендер-Аббас.— Д. Л.), при которой есть

<sup>1</sup> Д. А. И., т. V. СПб., 1853, § 80, стр. 404—405.

<sup>2</sup> А. И. Заозерский. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом.— В книге «Россия и Запад». Исторические сборники под ред. А. И. Заозерского, т. I. Пг., 1923, стр. 98.

<sup>3</sup> «Журнал или подневная записка, блаженные и вечносудостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. Напечатан с обретающихся в кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою его величества», ч. 2, отд. 1, прил. СПб., 1772. «Допрос Ильи Исаева человека, Андрея Семенова о пути в Индию, как он был в 203 году при купчине Маленьком», стр. 345—349. Этот источник использован в дальнейшем изложении. В. Бартольд (История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925, стр. 183) считает годом отправления Маленького — 1695 г., а К. М. Бэр — 1694 г. (Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний.— Зап. Русск. геогр. об-ва, СПб., 1850, кн. 4, стр. 280—281).

В указанном выше документе, опубликованном в «Журнале... Петра Великого», ясно сказано, что Маленький и его слуга выехали из Астрахани «того же 203 года в ноябре месяце». В переводе на современный календарь, с учетом того обстоятельства, что дореформенный год начинался с 1 сентября, это будет ноябрь 1694 г. Таким образом, бесспорной датой выезда Маленького надо считать 1694 г.

городок небольшой каменный». В декабре 1695 г. поехали «морскою губою Океяна моря до пристани Индийской — до Бендер-Сурата» (Сурат). Во время пребывания в Индии Маленький посетил несколько мест, в том числе «Акпарабат он же называется Агра» и «Шажунабат, который называется Дилли» (Дели). Таким образом, путешественники проникли далеко вглубь северной Индии. Обратный путь их шел также через Агру и Сурат. Затем «поехали морскою губою назад тем же путем до Бендер-Абаса» на двух кораблях — индийском и «арапском». По дороге один корабль отбили морские разбойники. Из Бендер-Аббаса по суше проехали в Исфаган, где прожили 5 месяцев, после чего вернулись в Шемаху, «де господин его умре». Всего пути их как туда, так и назад было «с пять лет» (фиг. 2). Целых 22 года не получалось определенных известий о Семене Маленьком, и только «февраля 22 дня нынешнего 716 года в канцелярии Сената явился обер инспектора Рижского Ильи Исаева человек Андрей Семенов» и дал показание, о своем путешествии с Маленьким.

Если считать, что первое путешествие русских людей в Индию, о котором мы имеем вполне достоверное письменное известие, было осуществлено в 1466—1472 гг. Афанасием Никитиным, то вторым, бесспорно побывавшим в этой далекой стране спустя 225 лет, был Семен Маленький со своим слугой. Но результаты его путешествия оказались гораздо скромнее. Слуга Андрей Семенов не рассказал чего-либо, даже отдаленно сравнимого с замечательно интересными сообщениями русского купца XV в., тем более, что он давал свои показания почти через четверть века после путешествия, и многое у него уже должно было исчезнуть из памяти. Но все же слуга «купчины» сообщил некоторые интересные сведения о далекой стране.

Так, он указал, что в Бендер-Аббасе «сбирают пошлину разных государств с проезжих торговых... серебряными тамошними деньгами, именуемыми абасами, которые ходят в две гривны, а весом без малого в два золотника». Армяне, живущие через речку от Исфагана, «ездят в разные государства и в Индию, а к товарам их желание больше к сукнам самым добрым, к стамедам голландским и собоям, к кружевам плетеным немецким серебряным и золотым». В Дели продали товары на рупии — «тамошние серебряные деньги». «А Индейцы де люди тихие и ласковые и в торгу обходительные и правдивые, а желание их к торгам больше к сукнам тонким аглинским, к юфти».

Семенов сообщил о покупавшихся ими индийских красках — о батмане и о цене на них. Словом, здесь мы видим обычное и для допетровского времени преимущественное



Фиг. 2.



внимание к торговым вопросам. Кратко и примитивно сообщается о внешнем виде городов, например об Агре.<sup>1</sup> Зато Семенов тщательно отметил некоторые запомнившиеся ему детали пути, например, то, что тяжелые корабли не подходят к Сурату, а разгружаются на взморье за тридцать верст от Сурата. Но выяснить путь из Астрахани в Индию через Среднюю Азию путешественнику не удалось. Узнал лишь, что из Астрахани до Индии имеется сухой путь, но «он тем путем не бывал, и того пути не знает, а тот де путь! лежит чрез бухарскую землю, а на которые города, не ведает».

Маленький был принят «Индийским царем» (Великий Могол). Если к приведенным сведениям прибавить краткое описание приема, царской одежды и церемонии прохождения перед «царем» слонов, «на которых сделаны чердаки деревянные осьмиугольные», то этим и исчерпываются скольконибудь интересные сведения об Индии, сообщенные слугою умершего купца при допросе.

По своему характеру эти сведения принадлежат к допетровскому времени.

Мысль о проникновении в Индию не покидала Петра I и после отправки туда Семена Маленького. Задолго до возвращения слуги купца Петр I во время своего пребывания в Амстердаме распорядился «...кн. И. С. Шаховскому, А. А. Нестерову, Ф. И. Леонтьеву ехать для учения в Ост-Индию...»<sup>2</sup> Правда, М. М. Богословский считает, что, вероятно, это была ссылка виновных в критике царской жизни в Амстердаме. Возможно, что и так, но нам важны не непосредственные мотивы отправления именно данных лиц, а тот факт, что, будучи вдали от России и занимаясь делами, далекими от восточных вопросов, Петр I продолжал ими интересоваться и думать о сношении с Индией.

### ПРОБЛЕМА АМУ-ДАРЬИ<sup>3</sup>

Возможность сношения с Индией через Среднюю Азию издавна привлекала большое внимание. Давно было известно,

<sup>1</sup> «... а стоит тот город на большой реке, а как зовут реку не ведает... а тот город каменный, а сделан в три стены, а между городами промежутку пустого места сажен по 20, а жилья между ими нет, только в замке царский дом да мечеть, да приказ, а жилье около города большое, да кругом города выкопан ров и пушена вода, в которой рыбы, да черпахи». Агра стоит на р. Джамуна, или Джамна.

<sup>2</sup> М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. 2. Первое заграничное путешествие, ч. 1 и 2. М., 1941, стр. 172.

<sup>3</sup> Схемы маршрутов главнейших экспедиций, из упоминаемых в настоящем разделе, помещены на фиг. 4.



что «Бухарские караваны в пограничные Российские города, особенно в Оренбург и в Астрахань ежегодно приходящие, доказывают, что между Индией и Бухариею беспрестанное купечество производится, потому что они не только шелковые и бумажные, Бухарии деланные, но и всякие Индейские товары, которые Бухарских гораздо лучше, да сверх того драгоценные камни, золото и серебро для продажи привозят. Приходят иногда в Астрахань с сими караванами и индейцы, из которых некоторые там поселились домами... Кто же может усомниться, что бы Россияне по той же дороге, которою индейцы к нам ходят, не могли к ним приезжать?»<sup>1</sup>

В самом начале XVIII в. оживились сношения и с Хивой. В 1700 г. хивинский посланец вручил Петру I грамоту хана Шаниаза с просьбой принять его в русское подданство. Петр I дал свое согласие и в 1703 г. подтвердил его Аран-Махмету, новому хивинскому властителю.

Эта перемена политического порядка вызвала еще более пристальное внимание Петра I и его соратников к Средней Азии, которая уже давно играла большую роль в развитии русских торговых связей с Востоком и в которой он стремился приобрести новые владения. Наконец, произошло событие, ставшее одной из непосредственных причин организации туда экспедиции.

В 1713 г. некий Ходжа-Нефес (Хаджа-Нефес) приехал в Астрахань и, подружившись с жившим там персидским князем Самоновым, родом из Гиляна, но принявшим христианство, под секретом рассказал ему о своем желании предложить Петру I завладеть областями, лежащими при Аму-Дарье, где якобы находится золотой песок. Он же сообщил, что хивинские узбеки, с целью обезопасить свои владения, засыпали устье Аму-Дарьи, которым она впадала в Каспийское море; по мнению Хаджа-Нефеса, эту плотину легко можно разрушить и восстановить прежнее течение реки.

Интересно отметить, что вопрос об экспедициях в Среднюю Азию занимал и одного из выдающихся деятелей петровского времени — Ф. С. Салтыкова. В своих «Пропозициях», отосланных Петру I 24 апреля 1713 г., он предлагал овладеть «... степями между Китаем, Бухариею, между Индией и Тангутами и, главным образом, Еркетью и Тарафаном».<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Г. Ф. Миллер. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская. — Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. Генварь — февраль, 1760, стр. 6.

<sup>2</sup> Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неиздан-

Н. Павлов-Сильванский считает даже, что первая идея этой экспедиции принадлежит, по-видимому, именно Ф. С. Салтыкову. Вряд ли это так, потому что Петр I, как мы видели, еще с первых лет XVIII в. интересовался Средней Азией и стремился распространить свои владения в ее пределы. Для нас, однако, важно подчеркнуть, что мысли о проникновении в Хиву и Бухару путем организации туда походов существовали в тот период не только у одного Петра I.

В своих «Изъявлениях прибыточных государству», посланных Петру I в августе 1714 г. из-за границы, Ф. С. Салтыков снова развивает те же соображения, предлагая «...построить фортификации в вершинах яицких, обыскав удобные места при озерах или на речках, сии крепости будут с удобностью в торги с Бухариєю и с прочими, как с Еркентью и Терафаном... а в тех государствах ...находятся медь, железа, бумага хлопчатая, овощи всякие, шелк; и велеть в тех местах описать, в какой широте лежат для взыскания всяких минералей, понеже описатели аглинские писали, что есть в тех местах железо, хрустали и прочих драгих камней, только с нашей стороны о том не пробовано».<sup>1</sup>

Мы видим, как тщательно собирал Ф. С. Салтыков, живя за границей, материалы о Средней Азии и как упорно стремился он к своей цели — обратить внимание Петра I на выгодность для России развития торговых связей с этими областями и изучения их природных богатств. Но эта записка Салтыкова опоздала.

В начале 1714 г. сибирский губернатор Гагарин получил известия о наличии золотого песка в окрестностях г. Эркети (Яркенд), находившегося в то время под властью калмыков, кочевавших в числе 30 тыс. человек за своим контайшею (ханом) между г. Эркеть и Ямышевым озером. Гагарин предлагал Петру I завладеть этим городом и построить по дороге крепости, прежде всего у Ямышева озера. «При сем доношении объявил губернатор и пробу купленного в Тобольске песошного золота, которого часть и поныне еще хранится в Санкт-Петербургской кунсткамере».<sup>2</sup> Хивинский посланник, бывший тогда в России, подтвердил это сообщение и также предлагал построить крепость у места прежнего впадения Аму-Дарьи в Каспий.

Последнее известие явилось непосредственной причиной организации экспедиции, долженствовавшей осуществить давние проекты о водном пути из Средней Азии в Индию,

ные их тексты. СПб., 1897, стр. 46. Еркеть означает Яркенд, а Тарафан — Турфан.

<sup>1</sup> Там же, стр. 35.

<sup>2</sup> Г. Ф. Миллер. Там же, стр. 7—9.

а также разыскать и овладеть «песошным золотом». Последовали указы 1714 г. о снаряжении двух экспедиций в Бухару и Хиву — князя Александра Бековича-Черкасского,<sup>1</sup> обрусевшего кабардинца, и подполковника И. Ф. Бухгольца.

Первая из них должна была направиться с запада, из Астрахани, через Каспийское море, а вторая — с северо-востока, из сибирского города Тобольска. Путешествие Александра Бековича-Черкасского явилось началом картографических работ на Каспийском море, продолжавшихся в течение нескольких лет (см. раздел о картографии), и походов в Среднюю Азию в 1716—1717 и 1719 гг.

### ЭКСПЕДИЦИЯ А. БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО

Организация первой экспедиции была возведена указом 20 мая 1714 г., гласившим: «...послать в Хиву с поздравлением на ханство, а оттоль ехать в Бухары к хану, сыскав какое дело торговое, а дело настоящее, чтоб проведат про город Иркень (Яркенд.— Д. Л.), сколь далеко оной от Каспийского моря, и нет ли каких рек оттоль, или хотя не от самого того места, однакож в близости, в Каспийское море».<sup>2</sup>

Повидимому, в развитие этого указа в мае того же года последовал именной указ о посылке в экспедицию Бековича-Черкасского.<sup>3</sup>

Последний, приехав в Астрахань, 1 сентября 1714 г. писал Апраксину, что он «...осведомился чрез жителей астраханских о реке Дарье — откуда течет, где падает устьем. Сыскал таких людей, которые знают оную реку, называют Аму-Дарью, сказывают, что не малая река, берется вершиной от Индии, течет Бухарскою землею и Хивинскою, падает в озеро названием Аральское море, которое имеет расстояние от Каспийского моря четырнадцать дней ходу; иные сказывают, будто малый проток есть из озера в море Каспийское,

<sup>1</sup> Бекович — отчество кн. Черкасского. В некоторых исследованиях его называют Бекович-Черкасский, включая, таким образом, отчество в фамилию, а иногда и просто Бековичем.

<sup>2</sup> П. С. З., т. IV, § 2809.

<sup>3</sup> «Господа Сенат, о котором деле говорено с Вами будучи у Кронцплота на шинье, а именно, о посылке для прииску устья Дарьи реки, и для того ныне посылаем туда Преображенского полка капитана-поручика г-на Князя Черкасского» (П. С. З., т. V, § 2815). В «Полном собр. законов» день этого указа не назван. А. Н. Попов (Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. — Зап. Русск. геогр. об-ва, СПб., 1853, кн. 9, стр. 239) и Л. С. Берг (Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л. 1946, стр. 171) считают, что Петр I подписал указ об отправлении Бековича 29 мая 1714 г.

только такого человека нет, который видел, сказывают, что видели».<sup>1</sup>

Это первое сообщение о течении Аму-Дарьи, шедшее в разрез с представлениями ученых тех лет о впадении великой среднеазиатской реки в Каспий, оказалось правильным. Бекович-Черкасский по окончании всех приготовлений 7 ноября 1714 г. вышел из «астраханских черней» в море во главе флотилии в составе 2 шхун, 27 больших стругов, 1 буса, имея на борту 1744 человека пехотинцев и казаков, 33 артиллериста при 19 орудиях, 100 моряков под начальством флота капитана Рентеля и 10 офицеров. Кроме того, ехали 14 астраханских дворян, 4 подьячих и 1 переводчик.<sup>2</sup> С ним же отправился и Хаджа-Нефес.

Однако первая попытка окончилась неудачей. Не добравшись до Гурьева и потеряв несколько стругов, Бекович-Черкасский вернулся в Астрахань и лишь 25 апреля 1715 г. вновь вышел в море, достиг Гурьева и двинулся к заливу Тюб-Караган у восточного побережья Каспия. Высадившись на берег и собрав кочевавших вокруг туркмен, подвластных принявшему русское подданство Аюке-хану, Бекович-Черкасский получил от них уверения в том, что стоит только прокопать канал протяжением около 20 верст к заливу Каспийского моря — Красным водам, чтобы река вновь потекла в это море. Туркмены обещали показать прежнее русло Аму-Дарьи и то урочище, откуда следует поворотить ее течение по прежнему руслу.<sup>3</sup>

Черкасский, поручив Хадже-Нефесу и двум дворянам, Федорову и Званскому, осмотреть местность и вернуться к Красным водам, сам отплыл туда со всей флотилией. Посланные выполнили поручение, достигнув, по их словам, р. Карагач, где начинался земляной вал около 5 верст в длину и 3 сажень в ширину, проходящий, как уверяли туркмены, в 2 верстах от Аму-Дарьи.

Отсюда, повернув вправо, шли степью до того места, где начинался низменный дол, который, по словам туркмен, продолжался до самого Каспийского моря и являлся древним руслом Аму-Дарьи. Три дня продолжали идти путешественники по этому долу. По обеим сторонам его тянулись возвышения, похожие на бывшие берега, с признаками развалин городов и селений. Кое-где в стороны от дола отходили узкие сухие овраги, казавшиеся путникам каналами, вероятно, проведенными в прежнее время из реки для орошения полей.

<sup>1</sup> А. П. Соколов. Описи Каспийского моря с начала осмнадцатого века по настоящее время.— Зап. Гидрографич. департамента Морского мин., ч. 10, СПб., 1852, стр. 3.

<sup>2</sup> А. Н. Попов. Там же, стр. 240.

<sup>3</sup> Там же, стр. 241. Красные воды — место, где теперь Красноводск.



Дойдя до урочища Ати-Ибрагим, туркмены отказались сопровождать дальше экспедицию, уверяя, что не ручаются за ее безопасность от нападений хивинцев.<sup>1</sup> Хаджа-Нефес со спутниками вернулся обратно к Балханскому заливу, где его поджидал Черкасский. Так были получены первые более или менее определенные сведения о древнем русле Аму-Дарьи — Узбое.

В письме Петру I от 4 августа 1715 г. Бекович-Черкасский доносит о том, что 3-го числа он «... доехал до места, званием Актам, где текла Аму-Дарья река в море Каспийское. Ныне в том месте нет воды, понеже не в ближних местах, для некоторых причин, оная река запружена плотиною на урочище Харакое, от Хивы в четырех днях езды. От той плотины припущена течь оная река в озеро, которая называется Аральское море».<sup>2</sup> Это сообщение явилось подтверждением собранных ранее Бековичем-Черкасским сведений об Аму-Дарье.

Л. С. Берг, специально занимавшийся вопросом о древнем русле Аму-Дарьи — Узбое, считает, что «... Бекович действительно посетил прежнее место впадения рукава Аму-Дарьи в Каспийское море».<sup>3</sup> «Река» Актам — эрозионная речная долина. В 1825—1826 гг. она достигала 40 верст длины, беря начало из мелкого соляного озера. Течение в Актаме зависит от ветров: при нагонных западных ветрах оно идет вверх реки. На берегах имеются остатки строений и колодцы с пресной водой.<sup>4</sup>

Черкасский от устья Актама плывал до Астрабатского залива. В это время сопровождавшие его морские офицеры сняли и положили на карту часть восточного побережья, отосланную вместе с докладом Петру I. 9 октября 1715 г. Бекович-Черкасский со всей флотилией вернулся в Астрахань, а затем в январе 1716 г. приехал в Москву и оттуда был вызван в Петербург, но встретился с Петром I и сделал ему личный доклад в Либаве, куда царь в то время направился. Сообщения эти очень заинтересовали Петра I. Впоследствии, будучи в 1717 г. в Париже, Петр I указал известному картографу Гильому Делилю на то, что Аму-Дарья не впадает в Каспий.

Полученные Петром I известия побудили его послать к восточным берегам Каспия лейтенанта Кожина, поручив ему в инструкции от 27 января 1716 г. «... все берега того моря описать, также реки, гавани и острова, близ берегов лежащие,

<sup>1</sup> Там же, стр. 242.

<sup>2</sup> А. П. Соколов. Там же, стр. 5.

<sup>3</sup> Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1946, стр. 173.

<sup>4</sup> Л. С. Берг. История исследования Туркмении.—Сб. «Туркмения», т. I. Л., 1929, стр. 97—98.

и сделать карту». С другой стороны, Кожин должен был «присмотреть описи и карты Бековичевы, и если прямо сделаны, то туды не ездить, ежели ж не прямо, то самому учинить».<sup>1</sup>

Вскоре после этого Петр I решил поставить Бековича-Черкасского во главе новой экспедиции и снабдил его собственноручно написанной инструкцией, приказав приступить к организации экспедиции. В именном указе<sup>2</sup> гвардии капитану Черкасскому 14 февраля 1716 г. в числе других пунктов, касающихся политических целей — «склонения к верности» хивинского и бухарского ханов и не интересных для нашей темы, предлагалось: построить около бывшего устья Аму-Дарьи крепость, отправиться к хивинскому хану, достичь плотины и стараться обратить воду в прежнее русло, запрудив течение реки в Аральское море. Далее указ предписывал часть людей отправить на разведки к городу Яркенду для осмотра золотых россыпей, а часть под начальством поручика Кожина в Индию, сначала на судах, вверх по течению Аму-Дарьи, насколько возможно, а потом сухим путем. Разведать сухопутные и, особенно, речные пути в эту страну и получить сведения о возможностях торговли с нею.

Насколько важное значение придавалось всему этому делу, видно из заключительных слов наказа: «по сим пунктам господам Сенату с лучшею ревностью сие дело как наискорее отправить, понеже зело нужно».

Приводим соответствующие пункты наказа в редакции «Полного Собрания законов» (т. V, § 2993):

«1. Надлежит над гаваном, где бывало устье Амударьи реки, построить крепость человек на 1000...

2. Ехать к хану Хивинскому послам, а путь иметь подле той реки, тако ж и плотины, если возможно оную воду паки обратить в старый ток, к тому ж прочия устья запереть, которые идут в Аральское море, и сколько к той работе потребно людей.

3. Осмотреть место близ плотины или где удобно на настоящей Амударе реке для строения ж крепости тайным образом, а буде возможно будет, то и тут другой город сделать.

4. Хана Хивинского склонять к верности и подданству...

<sup>1</sup> А. Н. Попов. Там же, стр. 243—244. Слова «прямо сделаны» означают правильно сделаны.

<sup>2</sup> П. С. З., т. V, § 2993.

В изд. «Журнал или подневная записка Петра Великого... с 1869 г., даже до заключения Нейштатского мира», ч. 2. прил. СПб., 1772, стр. 354—355 некоторые места этого указа изложены несколько иначе, но очень близко к П. С. З. Общее его содержание и смысл остаются совершенно такими же.

6. Ежели сим или иным образом склонится хивинский хан, то просить его, дабы послал своих людей, при которых и наших два человека было, водою по Сырдарье реке вверх до Иркети городка для осмотра золота.

7. Также просить у него судов и на них отпустить купчину по Амударье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут итти, и столь бы ехал в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной к Индии Тою или другими реками, и возвратиться из Индии тем же путем, или ежели услышит в Индии еще лучший путь к Каспийскому морю, то оным возвратиться и описать...

10. Из морских офицеров поручика Кожина и навигаторов человек 5 или более послать, которых употребить в обе посылки; первая под образом купчины, другая к Иркети.

11. Поручику Кожину приказать, чтоб он там разведаль о пряхных зельях и о других товарах и, как для сего дела, так и для отпуска товаров, прислать ему, Кожину, двух человек добрых людей из купечества, и чтоб оные были не стары».

Таким образом, как это вытекает и из инструкции, экспедиция Бековича-Черкасского преследовала далеко не одни научно-географические цели. Стремясь укрепиться на востоке и сделать Россию посредницей в торговле между Азией и Западной Европой, Петр I старался склонить хивинского хана к русскому подданству, подчинить России соседние среднеазиатские территории, о чем уже говорилось во введении. Однако, в соответствии с задачами настоящей работы, мы, конечно, должны остановить свое внимание на географическом значении этого похода.

Помимо разрешения вопроса об изменении течения Амударьи, Бековичу-Черкасскому, как видим, были даны два задания: 1) послать людей проведать о россыпном золоте к «Иркети», поводом к чему явилась неудача экспедиции Бухгольца (см. ниже), и 2) послать Кожина «под видом купчины» в Индию. Для последнего в тот же день была подписана особая инструкция, содержащая 5 пунктов,<sup>1</sup> повторяющих в общем приведенные выше в наказе Черкасскому.

Черкасский, прибывший 23 марта 1716 г. в Москву, выехал оттуда в Астрахань, принялся за организацию и в половине сентября 1716 г., посадив часть отряда на суда, отплыл в море, но только 9 октября прибыл в залив Тюб-Караган, где его встретил уже известный нам Хаджа-Нефес.<sup>2</sup> Высадив на берег

<sup>1</sup> П. С. З., т. V, § 2994. Инструкция Кожину 14 II 1716 г.

<sup>2</sup> Сведения об экспедиции Бековича имеются в ряде работ: у И. И. Голикова, Деяния Петра Великого..., т. VI—VII, К. М. Бэра (Заслуги Петра Великого по части распространения географических по-

часть войск для постройки укрепления и отправив послов к хивинскому и бухарскому ханам (последнего посланника должен был отвести до Астрабата Кожин, отплывший 18 октября), Бекович-Черкасский со всей флотилией выехал 24 октября к Красным водам, куда прибыл 3 ноября и начал работы по устройству нового укрепления под широтою 39° 50'. Сам же он 20 февраля 1717 г. вернулся в Астрахань, захватив предварительно в Тюб-Караган.

Л. С. Берг приводит слова Г. Ф. Миллера в «Описании Каспийского моря» (Сочинения и переводы к увеселению и пользе служащие, 1763, стр. 17) о том, что Черкасский, найдя «противо отдаленного конца острова Доргана» у Балханского залива место прежнего течения Аму-Дарьи, «прошел по следам несколько верст внутрь земли. За пять верст от залива нашел он еще раковины. Но далее пропали все признаки, чтоб река прежде имела там свое течение». Анализируя это сообщение, Л. С. Берг полагает, что Черкасским «... было открыто устье протока Актам, подробно исследованного в 1825 и 1826 гг. Дядиным и Барановым».<sup>1</sup>

А. С. Кесь, в результате проведенных ею в 1934 г. экспедиционных исследований древнего русла — Узбоя и изучения литературы по этому вопросу, пришла к тем же выводам.<sup>2</sup>

Таким образом, можно считать доказанным открытие устья Актама экспедицией Бековича-Черкасского.

В Астрахани Кожин, поссорившись со своим начальником и считая, что предполагаемая экспедиция обречена на провал, известил об этом Петра I и Меншикова и, не дождавшись разрешения, самовольно вернулся в Петербург, за что и был предан суду, но, кажется, впоследствии прощен.<sup>3</sup>

знаний о России.— Зап. Русск. геогр. об-ва, 1850, кн. 4), С. М. Соловьева (История России с древнейших времен, т. XVIII. Изд. 2-е. СПб., «Общ. Польза» б. г.), кратко у Г. Ф. Миллера (Известия о песочном золоте...), у Л. С. Берга (История исследования Туркмении.— Сб. «Туркмения», т. I. Л., 1929). Но обстоятельнее всего они изложены в уже цитированной работе А. Н. Попова (Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом.— Зап. Русск. геогр. об-ва. СПб., 1853, кн. 9, стр. 237—271 и 318—338).

<sup>1</sup> Л. С. Берг. История исследования Туркмении.— Сб. «Туркмения», т. I, 1929, стр. 78.

<sup>2</sup> А. С. Кесь. Русло Узбой и его генезис.— Труды Института географии, вып. XXX. М.— Л., 1939, стр. 11.

<sup>3</sup> Позже, на допросе в Сенате 18 ноября 1717 г., Кожин заявил, что по сведениям, полученным им от посланных Бековичем-Черкасским вместе с Хаджей-Нефесом астраханских дворян Званского и Федорова, «такой плотины нет и к краю Каспийского моря, по осмотру его течения нет же, а расстояние от Аральского моря до Каспийского... 17 дней езды наскоро» (Журнал или поденная записка... Петра Великого с 1869 года, даже до Нейштатского мира..., ч. II, прил., СПб., 1772, стр. 390—391). Но



Бекович-Черкасский со всеми оставшимися при нем войсками отправился из Астрахани морем к Гурьеву городку и расположился около него лагерем. Тяжелые климатические условия, недостаток воды, становившейся негодною к питью через 2—3 дня после вырытия колодца, и отсутствие достаточных помещений вызвали большую смертность. В одном тюб-караганском гарнизоне к маю 1717 г. умерло 500 человек, а в красноводском еще более.

Все же летом отряд до 2200 человек выступил в поход, оставив налево большую Хивинскую дорогу, по которой издавна ходили караваны, и пошел по малой, но более удобной для отыскивания конского корма и воды. В первый день пути переночевали близ р. Ак-Мурзы, через 7 дней достигли Эмбы. Переправившись через нее на плотках, дошли до урочища Богочату, вышли на большую Хивинскую дорогу и по ней на 5-й день — к «Иркетским» горам, т. е. к восточному чинку, или обрыву Устюрта у плоской возвышенности, разделяющей оба моря. В течение 7 недель шли вблизи Арала, испытывая большие затруднения.

Далее через реки Каракумь и Аккул достигли в августе 1717 г. урочища Карагач, где предполагалось строить крепость.

На картах таких названий нет. Поэтому вопрос о месте, где остановился Черкасский, остается не разрешенным. А. Н. Попов предполагает, что отряд, «... следуя по караванной дороге близ берегов Аральского моря, мог спуститься с плоской возвышенности в двух местах: по спуску Тайлы между Аральским морем и озером Лауданом и войти в долину Аму-Дарьи или, продолжая путь тем же самым горным берегом плоской возвышенности, простирающимся и по берегу озера Лаудана, сойти по спуску Ай-Бугир».<sup>1</sup>

В урочище Карагач на отряд напали хивинцы; русские окопались и отразили несколько атак. Последовавшие затем переговоры привели к поездке Бековича-Черкасского в ставку хана, клявшегося в своих мирных намерениях, а оттуда вместе с ним в Хиву. Черкасский, по не вполне понятным мотивам, поддался на уговоры властителя Хивы, утверждавшего, что он не может содержать такое большое русское войско в одном городе, и согласился, несмотря на просьбы своих офицеров, разделить весь отряд на пять частей, разместив некоторые из них в окрестностях Хивы. Едва это было

М. Кожин, естественно, искал оправдания своему самовольному поступку и отрицал наличие каких бы то ни было признаков прежнего течения Аму-Дарьи.

<sup>1</sup> А. Н. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом.— Зап. Русск. геогр. об-ва. СПб., 1853, кн. 9, стр. 262.

выполнено и Бекович-Черкасский еще не сошел с коня, как на него предательски напади и убили на глазах у хана. Многих русских перебили, остальных взяли в плен, отдельные отряды подверглись той же участи. Лишь немногие, которым удалось избавиться от плена, постепенно пробрались в Россию, принеся печальные рассказы о трагическом конце экспедиции. В числе вернувшихся оказался и Хаджа-Нефес.

Так окончились попытки Бековича-Черкасского точно установить местонахождение старого русла Аму-Дарьи и повернуть ее течение к Каспию, попытки, возникшие в результате первого по времени проекта этого рода!

Но интерес к этому вопросу не иссяк.

Вернувшиеся из плена участники экспедиции Черкасского — Хаджа-Нефес, Алтын Усейнов, Федор Емельянов и Михаил Белотелкин — были 11 октября 1717 г. в Казанской губернской канцелярии «допрашиваны порознь перед ближним боярином и губернатором П. С. Салтыковым». <sup>1</sup> Кроме получения подробностей о походе и обстоятельствах гибели Бековича-Черкасского, П. С. Салтыков старался выяснить все относящееся к р. Аму-Дарье.

Хаджа-Нефес сообщил, что от Хивы вверх по «Дарье-реке» до города Бухары сухим путем в купеческом караване 12 дней ходу и между ними других рек нет. «И пьют воду из Дарьи-реки, и конские кормы и леса по той Дарье-реке есть довольные, и в Хиве де и в Бухарах для езды водным путем строят лодки мелкие и на больших де судах тою рекою Дарьею ходить можно, только в тамошних де краях больших судов не строят и нет».

Он же подтвердил существование древнего русла Аму-Дарьи и искусственное изменение ее течения и, ясно рассказав о древнем Узбое, <sup>2</sup> сообщил, что про плотину он слышал от хивинцев и от туркменцев, «а сам де он, Нефес, на той плотине не был и сколь велика эта плотина сделана, не знает».

<sup>1</sup> Там же, стр. 319—333 (Приложение 1 — «Показания об экспедиции кн. Черкасского»).

<sup>2</sup> «А вышепомянутая река Карагач, которая выпала в Хивинской земле из Дарьи-реки, значит, что из древних лет шла она чрез степь и меж гор и устьем пала в Каспийское море выше Красных вод езды три дни: и тое де реку Карагач Хивинцы запрудили в давних летех и сделали плотину, которая плотина от Дарьи-реки версты две и водяною де ходу ныне из Карагачи в море нет за вышеписанного запрудю плотины и возвратилась де та река Карагачь в Дарью-реку. А от той де плотины степью между гор суходолом, а в другим местех и нанесенными песками, где преж сего шла Карагачь-река, сухим путем ходу будет до Каспийского моря двенадцать дней. А подле де тех суходолов в степи и поныне значит древнего ж строения города каменные и городища земляные и селница оставленные пустые» (там же, стр. 329).

Несколько позже — 15 декабря 1717 г., «астраханец Федоров» (повидимому, тот же Федор Емельянов, допрошенный П. С. Салтыковым) дал показания уже в канцелярии Сената. Он также подтвердил сведения о возможности снова отвести Аму-Дарью, «прокопав» степь, и о том, что и теперь при разливах река доходит «до дола, до вала». Но, осторожно добавил Федоров: «...а дойдет ли до Каспия, если прокопать, не знает».<sup>1</sup>

#### ПОХОДЫ БУХГОЛЬЦА, ЛИХАРЕВА И УНКОВСКОГО

Экспедиция И. Д. Бухгольца главной своей целью имела овладение районами «песошного золота». Но в числе ее задач, перечисленных в указе, данном подполковнику Бухгольцу 22 мая 1714 г.,<sup>2</sup> т. е. через два дня после распоряжения, положившего начало первой экспедиции Бековича-Черкасского, стоял вопрос и о течении Аму-Дарьи: «потом тако же стараться проведать о устье помянутой Дарьи реки, куда она устьем своим вышла».

Это дает основание при рассмотрении проблемы поисков речных путей в Индию кратко коснуться результатов и этой экспедиции.

Иван Дмитриевич Бухголец (или Бухольц, как его называет Г. Ф. Миллер) вместе с несколькими офицерами и солдатами в августе 1714 г. выехал из Москвы водою по рекам Москва — Ока — Волга — Кама до устья Чусовой. Вследствие этого он прибыл в Тобольск лишь 30 ноября. Бывшим там двум посланцам контайши (хана) губернатор объявил, что «подполковник Бухольц с некоторым числом войск не для войны, но только для строения некоторых крепостей по Иртыше пойдет», и получил их согласие.

И. Д. Бухголец, занятый организацией экспедиции, пробыл в Тобольске до июля 1715 г., когда с отрядом в 2932 человека пехотинцев, драгун, артиллеристов и т. д. отправился в путь на 32 «дащениках» и 27 больших лодках. К нему,

<sup>1</sup> Журнал или поденная записка... Петра Великого с 1689 года, даже до Нейштатского мира, ч. 2, прил., СПб., 1772, стр. 393.

<sup>2</sup> В указе 22 мая 1714 г., данном Бухгольцу, предлагалось: «понеже доносил нам Сибирский губернатор, г-н кн. Гагарин, что в Сибири близ калмыцкого города Еркета на реке Дарье промышляют песошное золото, и для того ехать тебе Тобольск и взять там у помянутого господина губернатора 1500 человек воинских людей и с ними итти на Ямышозеро, где велено делать город», построить крепость и итти оттуда следующей весной к Еркету «трудиться тот городок достать», укрепить и подлинно проведать, «каким образом и в которых местах по Дарье реке тамошние жители золото промышляли» (П. С. З., т. V, § 2811). Слова указа: «трудиться тот городок достать» означают — завоевать.

сверх этого, присоединилось 12 дощаников торговых людей. 1 октября отряд достиг Ямышева озера, где было велено заложить новую крепость.

Ямышево озеро, первые сведения о котором были получены русскими еще в допетровское время, находилось примерно в 10 км от Иртыша и издавна славилось добычей прекрасной соли. Соленость его воды была столь велика, что «...ежелиж в озеро опустить нечто деревянное, то оно вокруг солью покроеся. Таким образом делают из соли кресты и другие фигуры. Количество соли там столь велико, что можно бы было достать оттуда больше, нежели бы во всей Сибири исходило».<sup>1</sup>

Что касается г. Еркети, то такого на р. Аму-Дарье не было. Здесь имелся в виду Яркенд, лежащий значительно юго-восточнее Аму-Дарьи на р. Тарим в пустыне. Такла-Макан китайского Синь-Цзяна.

И. Д. Бухгольц приступил к постройке крепости недалеко от устья ручья Преснухи, вытекающего из лежащего вблизи маленького озера и впадающего в р. Иртыш. Зима в новопостроенной крепости прошла благополучно. Для успокоения контайши Ердени Шурукту к нему с прибывшими от него посланцами был отправлен поручик Трубников, который, однако, по пути попал в плен к киргис-кайсакам.

Весной 1716 г. отряды контайши внезапно напали на крепость. Начался голод, появились эпидемические болезни. Поэтому 28 апреля крепость без препятствий со стороны нападавших была оставлена и затем скрыта до основания. Сам же И. Д. Бухгольц с уцелевшим войском двинулся обратно и достиг р. Оми, на которой и просил разрешение построить другую крепость. Из-за несогласий с Гагариным И. Д. Бухгольц сдал отряд майору Зернову и 31 декабря 1716 г. вернулся в Тобольск. 2 сентября 1717 г. он был уже в Петербурге. Так неудачно окончились поиски «песошного» золота.

Во время допроса в Сенате 22 января 1719 г. И. Д. Бухгольц, рассказавший о своем походе, сообщил, между прочим, об оз. Нор-Зайсан и дал более точные сведения о положении так тщательно разыскиваемого г. «Иркеть»: «Зайсан озеро, чрез которое прошла Иртыш река выше камня не в близком же расстоянии и весьма в пустых местах... А от Ямышева до Зайсана озера водяной путь трудной для того, что оное озеро

<sup>1</sup> Г. Ф. Миллер. Известие о песошном золоте в Бухарии...— Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760, стр. 36. Январь — февраль. Дальнейшее изложение истории путешествия Бухгольца дается по вышеуказанной статье Г. Ф. Миллера, кроме специально оговоренных мест.



близ самых вершин Иртыша реки. А от одного озера Зайсана к Иркети водяного пути нет, а о сухом пути от Зайсана ведомца не нашел... А где де промышляют золото, оное место от Еркета конной езды дней с восемь или с десять, а в том помянутом месте лесу и воды не во всяком месте доволное число».<sup>1</sup>

Поиски «песошного» золота продолжались. В 1713 г. сибирский губернатор Гагарин послал тобольского дворянина Трушников в Китай для проверки сведений о наличии этого золота в Яркенде. Трушников прошел Восточный Туркестан, был у оз. Куку-Нор, у верховий Хуанхэ и через Калган вернулся в 1716 г. в Тобольск, пересекши монгольские территории. Э. М. Мурзаев, специально занимавшийся историей исследований Центральной Азии, считает, что Трушников оказался первым русским, посетившим Тибет и область Куку-Нор.<sup>2</sup>

18 «генваря» 1719 г. именным указом был послан в Сибирь для следствия над губернатором Гагариным и проверки на месте материалов о Бухгольце гвардии генерал-майор Лихарев. Кроме того, Лихареву приказывалось: «...стараться сколько возможно, дабы дойти до Зайсана озера», построить там крепость и потом «проведывать о пути от Зайсана озера к Иркеты, сколько далеко и возможно дойти, также нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану, а впали в Дарью реку или в Аральское море».<sup>3</sup> Это свидетельствует о том, как упорно в то время добивались выяснения вопроса о течении рек, впадающих в Арал.

Лихарев в половине февраля 1719 г. отправился в путь, пробыл до 8 мая в Тобольске, затем, выехав оттуда с отрядом, достиг оз. «Сайзан» (Зайсан), подвергся нападению «калмыков»,<sup>4</sup> поехал назад по Иртышу, заложил Усть-каменогорскую крепость и 13 октября 1720 г. по болезни возвратился в Тобольск.

19 января 1721 г. Сенату был дан чрезвычайно интересный указ об укреплении Ямышевой крепости. В нем предписывалось: «...с контайшею сделать мир и завести купечество с ним, также к Китайским городам Селим и Даба, также и к жилищу Далай-Ламы сие купечество не для прибыли делать (разрядка моя.— Д. Л.), но послать с купцами искусных людей при купцах, дабы высмотреть о золоте, где

<sup>1</sup> П. С. И., т. II, № 39.

<sup>2</sup> Э. М. Мурзаев. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.—Л., 1948, стр. 28.

<sup>3</sup> П. С. З., т. V, § 3284.

<sup>4</sup> Отрядов джунгарского контайши.

родится, и сколько и каков путь и мочно ль дойти хотя с трудом».<sup>1</sup>

Вот какие широкие планы имелись в области сношения не только со Средней Азией, но и с Китаем и Тибетом. Неизвестно, что именно было реально предпринято после этого. Г. Ф. Миллер считает, что поездки Лихарева в 1719—1720 гг. были последними, «которые для сыскания песошного золота предприняты были».<sup>2</sup>

Это мнение неверно. Можно указать, по крайней мере, еще на два путешествия — Чередова и Унковского. Правда, главной целью последних было урегулирование очень сложных взаимоотношений, существовавших в то время между Россией и «дзюнгарским контайшей» Цэван-Рабтаном. Последний, с одной стороны, оказывал резкое противодействие стремлению русских проникнуть на территорию, которую он считал своим владением; с другой стороны, в своей борьбе с Китаем, стремившимся окончательно завоевать Джунгарию, он упорно искал помощи у Петра I.

Казацкий голова Чередов, посланный к Цэван-Рабтану Лихаревым, вскоре после неудачного похода последнего к оз. Нор-Зайсан, на обратном пути из урги<sup>3</sup> (в 1721 г.) умер и не оставил после себя донесений.

«Капитан от артиллерии» Иван Унковский, отправленный к тому же контайше в 1722 г., благополучно возвратился и представил ценный отчет о своем путешествии. Ниже мы увидим, что, помимо дипломатических поручений, он имел приказание разведать и о месторождениях золота и о путях, соединяющих эти районы Средней Азии с Сибирью.

22 февраля 1722 г. И. Унковский выехал из Москвы в сопровождении «берг-гаура» Бривцина, «кондуктора» Готовцева, «инженерного ученика» Апушкина, «геодезии ученика» Путилова, «горных дел ученика» Эскина, артиллеристов, переводчика, писарей и другого обслуживающего персонала. Таким образом, в экспедиции принимали участие специалисты в области горной промышленности и геодезии.

В инструкции, данной И. Унковскому, указывается, что в Россию контайшей присылались посланцы с выражением желаний «... быть в протекции у его величества, чтобы его (контайшу.— Д. Л.) оборонять от неприятелей его, от хана китайского и от других», и предлагается разъяснить, что русские с разрешения Цэван-Рабтана ездили в его владении «токмо для

<sup>1</sup> П. С. З., т. VI, § 3716

<sup>2</sup> Г. Ф. Миллер. Там же, стр. 136.

<sup>3</sup> Так назывались кочевые резиденции хана. Не следует смешивать с г. Урга, ныне Улан-Батором.

искания руды, а именно золотой, серебряной и медной». Посланник должен был предложить контайше эту «протекцию» Петра I. Но наряду с чисто политическими целями И. Унковскому предписывалось осмотреть места, «где удобно крепостям быть, а особливо в тех местах, где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо же водяным путем (разрядка моя.— Д. Л.), и учиня тому чертеж и прочее, вернуться обратно».<sup>1</sup>

Основные этапы путешествия И. Унковского были следующими: Москва — Владимир — Муром — Нижний Новгород (Горький) — Яренск — Котельничи — Кайгород — Соликамск — Верхотурье — Тюмень — Тобольск (11 апреля 1722 г.) — вверх по Иртышу — Ямышева крепость и озеро — Семипалатинск — переправа через Иртыш (30 сентября 1722 г.) — путь вдоль левого берега Иртыша между гор и степью («влево видели озеро, сказывают, что оное Нор-Зайсан») — далее на восток — р. Боротала — оз. Зютхоль — урга<sup>2</sup> (20 ноября 1722 г.). 26 марта 1723 г. началось кочевье орды и с ней посольства. 18 сентября 1723 г. И. Унковский из урги отправился той же дорогой в обратный путь и через Тарбагатайские горы и р. Иртыш достиг Семипалатинска (12 декабря 1723 г.).

Отсюда путь шел на Ямышеву крепость — Тару — Тобольск (январь 1724 г.) — Екатеринбург (Свердловск) — Кунгур — Сарапул — Казань — Чебоксары — Козьмодемьянск — Нижний Новгород (Горький) — Муром — Владимир. 3 апреля 1724 г. И. Унковский приехал в Москву.

Во время путешествия он вел путевой журнал, опубликованный только в 1887 г.,<sup>3</sup> из которого и заимствовано дальнейшее изложение. В нем, между прочим, при описании пути по Европейской России указаны расстояния в верстах между отдельными пунктами. В документах допетровского периода этого почти никогда не встречалось.

Описания природы, даваемые И. Унковским, скудны. Об орографии имеются лишь отдельные замечания вроде, например, таких: «шли между гор щелью и по обе стороны превеликие каменные горы и удивлению подобны и во многих местах в утесе яко стена руками человеческими построена». Или «около оз. Зютхоль: зело много каменных крупных

<sup>1</sup> Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Документы, изданные с предисловием и примечанием Н. И. Веселовского. СПб., 1887, стр. 213.

<sup>2</sup> Резиденция хана — см. выше прим. об урге.

<sup>3</sup> Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван-Рабтану... СПб. 1887.

обломков, про которые рассказывают, что от землетрясения с гор скатываются».

Ямышево озеро, игравшее в те времена большую роль в добыче соли, неоднократно привлекало внимание русских. Сообщения о нем встречаются в ряде документов XVII в. Обстоятельно описывает его и И. Унковский: «...ездили смотреть озеро, в котором соль родится, такова хороша и бела, какова вареная бывает, и оною солью мало что не вся Сибирь довольствуется. Она от крепости в пяти верстах лежит на ост, вокруг оного почитают десять верст, в нем соль садится больше на западной стороне в озеро сажень на 100 и на 200. Ехали в озеро по соли, яко по какой плите, а сверх соли воды не выше как по щетку лошади, а соли садится на 1½ и по 2 вершка, а ежели из которых мест несколько лет соли не берут, то и на четверть и на поларшина бывает».<sup>1</sup>

В путевом журнале имеются многочисленные сведения этнографического характера о кочующих монголах. Надо отметить большой интерес, проявленный И. Унковским к истории местных племен и к некоторым элементам фольклора. Есть даже особое приложение: «О контайшине родстве и о его происхождении во владетели над калмыцкими народы, которой кочует между каменных гор на степи, имянуемой Илимской, около реки Или и о их состоянии и поступках краткое описание». Занимает оно 9 страниц печатного текста.<sup>2</sup> В нем дана генеалогическая таблица контайши Батура, говорится о борьбе ханов между собою, об известном Аюке-хане и его сыновьях. Рассказывается легенда о древнем богатыре Саптартай, о погребении «Теммер-хана» (Тамерлана), о религиозных процессиях лам и их священных плясках в масках, «яко в машкарте» (т. е. в маскараде), с бубнами и пр. Эти места путевого журнала сохраняют свой историко-этнографический интерес и до настоящего времени.

Для истории географических знаний довольно важны записи многократных бесед И. Унковского с Цэван-Рабтаном. Они до некоторой степени характеризуют уровень познаний одного из образованных русских военных петровского времени и круг вопросов географического характера, привлекавших внимание монгольского кочевника.

Контайша спрашивал: «есть ли земля за морем, до которой сухим путем ходу нет?» И получил ответ: «Такая земля есть, называется она Америка». На вопрос, ходят ли туда

<sup>1</sup> Там же, стр. 17.

<sup>2</sup> Там же, стр. 180—189.



русские корабли, как долго и в которую сторону лежит та земля, И. Унковский сообщил: «Прежде сего императорского величества корабли не ходили для того, что потребны были для окончания войны против шведов и других неприятелей. Однакож в той земле многие российские люди бывали (разрядка моя.—Д. Л.), а ныне у его величества со всеми учинен вечный мир, и корабли могут ходить свободно».<sup>1</sup>

Мы не имеем данных о многочисленных поездках русских в XVII в. или в петровское время к восточному побережью Америки через Атлантический океан. Повидимому, были лишь отдельные случаи, например, посылка в Вест-Индию, т. е. Америку, князя Тимофея Шаховского.<sup>2</sup>

Напротив, можно считать доказанным, что еще в XVII в. русские люди побывали на Аляске и основали там первые европейские поселения. Слухи об этом ходили не только по Сибири, но и достигали центра.<sup>3</sup> Подтверждением этого могут служить и приведенные выше слова И. Унковского, одного из многочисленных служилых людей петровского времени, о многократных посещениях русскими Америки.

Из бесед И. Унковского с контайшей можно еще отметить интерес Цэван-Рабтана к северным районам России. Цэван-Рабтан слышал, что в российской земле в летнее время солнце за горы не заходит, а в зимнее не всходит. И. Унковский разъяснил, что русская «земля зело пространная, многие народы живут в теплых местах и многие в суровых... Город Архангельской, Якуцк и прочие... есть места, что в летнее время солнце за горизонт не заходит». Таковы основные черты путевого журнала И. Унковского, наиболее интересные для истории русской географии России петровского времени.

Новых сведений о водных путях из Средней Азии в Сибирь и о «песошном золоте» это путешествие не принесло. И. Унковский получил лишь подтверждение от Цэван-Рабтана права русских искать в его владениях руды: «в своей земле вверх по реке Или и ныне не возбраняю». Но поездка посланника обогатила русскую науку ценными историческими и этнографо-географическими сведениями о кочевых народах тогдашней Джунгарии.

К отчету И. Унковского, как обычно, приложены три карты, сданные им в Коллегию иностранных дел.

<sup>1</sup> Там же, стр. 48.

<sup>2</sup> А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948, стр. 14.

<sup>3</sup> Более подробная сводка сведений по этому вопросу дана в цитированной ранее нашей работе [Д. М. Лебедев. География в России XVII века (допетровской эпохи). М.—Л., 1949].

Сравнивая этот отчет с дипломатическими документами о поездках русских за границу в XVII в. до Петра I, мы можем отметить следующие отличия: изложение И. Унковского более систематично. Интерес к истории и этнографии посещенной страны — исключителен; ни в одном из «статейных списков» русских посланников в восточные, а также и западные страны (кроме трудов посольства Спафария) не имелось такого количества ценных сведений о чужих государствах, касающихся именно этой стороны их жизни. Отчет обнаруживает большой кругозор и научную подготовку И. Унковского.

Известный монголовед А. Позднеев в своем письме к Н. И. Веселовскому по поводу издания путешествия И. Унковского к контайше<sup>1</sup> высоко оценивает путевой журнал И. Унковского и считает, что «...его географические и исторические данные чрезвычайно важны и интересны».

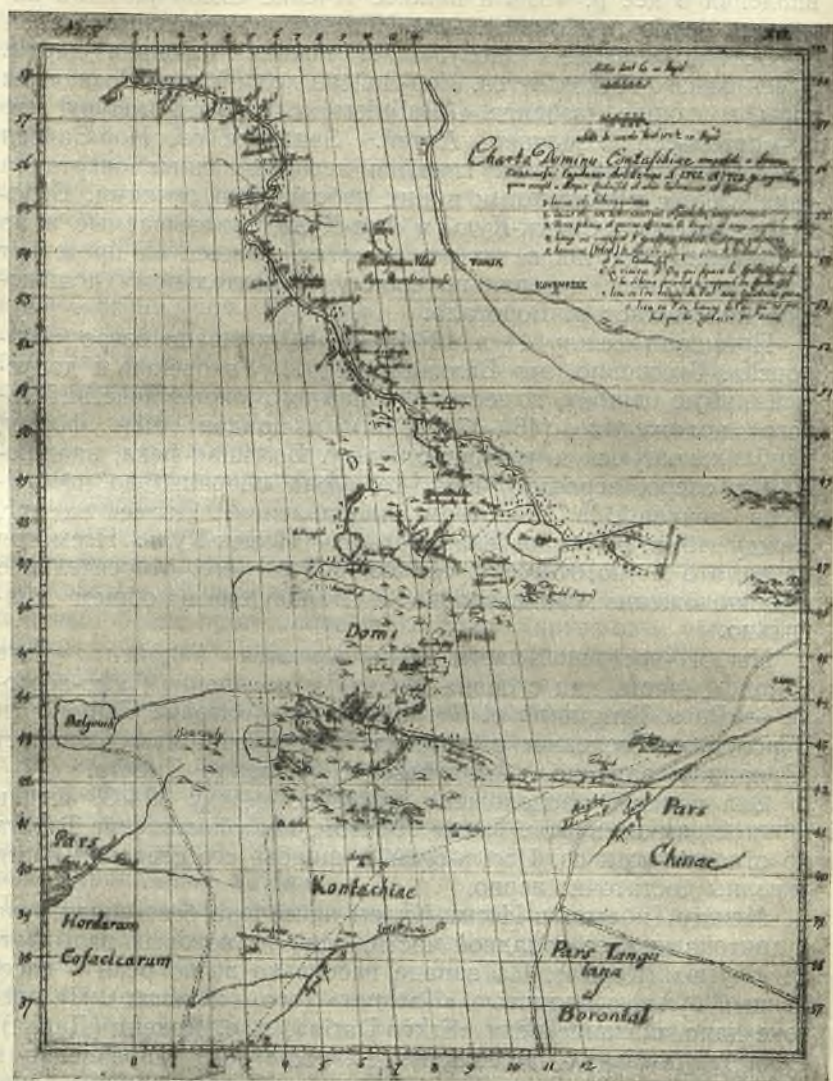
Помимо индивидуальных качеств этого русского капитана, здесь сказались и те общие благоприятные сдвиги в культурном уровне России, которые характерны для конца петровского времени сравнительно с дореформенным периодом.

Очень интересна карта «Контайшинных владений» — «*Charta Domini Contaichiae*» (рукописный отдел Библиотеки Академии Наук, № 258. См. фиг. 3), составленная И. Унковским в 1722—1723 гг. в конической проекции и масштабе 1 : 4 200 000 (10 верст в дюйме). Она говорит о довольно значительных географических представлениях об этом районе Средней Азии, имевшихся у русских петровского времени. Карта охватывает территории, расположенные между 58 и 36° с. ш., т. е. на протяжении около 2,5 тыс. км с севера на юг. На крайнем западном участке ее показано оз. Балхаш, а на восточном — Монгольский Алтай. Все надписи даны по-латыни.

Перечислим важнейшие географические объекты, помещенные на карте.

В северной половине карты довольно правильно изображена часть верхнего течения Иртыша, вытекающего из оз. Нор-Зайсан. По берегам реки нанесены населенные пункты. Нор-Зайсан имеет несколько более округлую форму, чем на современных картах. Это могло зависеть не только от неточности изображения, но и от видоизменения контуров его, происшедшего за более чем двухсотлетний промежуток времени. В озеро впадает река, ныне носящая наименование Черного Иртыша (не имеющая названия на карте), с двумя притоками.

<sup>1</sup> Опубликовано в приложении к цитированному выше изданию 1887 г. «Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского...».



Фиг. 3. Рукописная карта «Контайшинных владений» И. Унковского 1722—1723 гг. (Рукописный отдел Библиотеки АН СССР, № 258)



Восточнее Иртыша — часть р. Обь с притоком Томь и населенными пунктами Томск и Кузнецк. Течение р. Обь выше впадения в нее р. Томь и нижнее течение самой р. Томи намечены грубо приблизительно. Истоков не показано.

Особого внимания заслуживает южная половина карты. Здесь на юго-восток от оз. Нор-Зайсан холмиками обозначены горы, имеющие название «Altaijnier», т. е. Алтайн-Нуру, что по-монгольски означает Алтай. Западнее оз. Нор-Зайсан между  $46.5$  и  $48^{\circ}$  с. ш. имеются неопределенные очертания двух озер, с впадающими в них небольшими речками. Вероятно, это озера Сасык-Куль и Ала-Куль, указываемые и на современных картах в тех же широтах. Южнее их протекает бессточная река, которая по своему относительному положению напоминает р. Боротала.

Примерно между  $44$  и  $42^{\circ} 45'$  с. ш. показано озеро «Balgouch». Бесспорно, это Балхаш, хотя И. Унковский и допустил грубую ошибку, поместив его намного южнее действительного положения ( $46-47^{\circ}$  с. ш.) и придав ему форму, приближающуюся к четырёхугольнику. Большая река, впадающая в озеро, вероятно, Или, хотя она неправильно изображена текущей в широтном направлении. Далее на юг, между  $40$  и  $39^{\circ}$ , нанесена часть оз. Иссык-Куль. Несмотря на то, что и оно отнесено сильно на юг, его относительное местоположение сравнительно с Балхашем в общем правильно.

На юго-восточной части карты имеются надписи: «Pars Chinae» (часть или сторона Китая) и на крайнем юго-востоке — «Pars Tangutana et Borontal», т. е. «Страна Тангутов и Боронтал». Последнее в переводе на русский язык означает «Западная равнина» — монгольское название Тибета.<sup>1</sup>

Эта надпись расположена примерно между  $38-39^{\circ}$  с. ш. и нижней рамкой карты. Таким образом, местоположение Тибета по отношению к оз. Иссык-Куль и широта его северной части указаны достаточно верно.

Между Тибетом и Иссык-Кулем начерчена бессточная река с притоками в ее западной части, один из которых называется «Kugia» (Керия). На западе несколько выше реки — населенный пункт с надписью «Kachnar» (это — Кашгар). На востоке дано название реки «Erken Daria», т. е. Яркенд (Дарья). Река эта показана протекающей в широтном направлении в пределах  $39-38^{\circ}$ . Здесь мы имеем чрезвычайно важное доказательство наличия ценных сведений о таких реках, как

<sup>1</sup> В расшифровке некоторых названий карты И. Унковского большую помощь оказал автору настоящей книги доктор географических наук Э. М. Мурзаев.



Яркенд и Керия. Последняя на современных картах не впадает в р. Яркенд и протекает восточнее ее.

Наоборот, р. Яркенд, являющаяся притоком Тарима, начерчена, как видим, совершенно отдельной рекой. На северо-восток от нее, начинаясь, примерно несколько севернее 40° с. ш., показаны две соединяющиеся друг с другом речки, впадающие в третью, имеющую сверху надпись «Targim fl» (т. е. Тарим река), а снизу «Tugim fl». Очевидно, И. Унковский привел два несколько различающихся названия этой реки, не оставляющие сомнения в том, что это р. Тарим, до того никогда не обозначавшаяся на картах. Конечно, нельзя рассчитывать получить от карты 20-х годов XVIII в. точные сведения о районе, остававшемся белым пятном в продолжение еще примерно 150 лет после экспедиции И. Унковского. Кроме того, известно, что за это время в течениях рек бассейна Тарима произошли большие изменения. Таким образом, карта И. Унковского может служить одним из показателей таких перемен и в этом отношении она также заслуживает большого внимания.

Широта сведений, добытых И. Унковским, может лишь вызывать удивление.

Как видим, территория, обнимаемая картой, значительно превосходит владения контайши. Последние при их спорности и кочевом образе жизни орды вообще невозможно было установить более или менее точно. На карте они условно намечены словами «Domi Kontachiae», расположенными между 46 и 39° с. ш.

Все сказанное выше не только доказывает резко возросшую сравнительно с допетровским периодом осведомленность русских людей в географии и картографии обширного района Центральной Азии, но говорит и о том, что сведения эти, бывшие, конечно, весьма элементарными, все же намного превосходят уровень знаний, достигнутых в данной области западноевропейской наукой.

Кроме организации указанных выше экспедиций предпринимались и другие попытки для выяснения сухопутных и речных путей в Индию и наличия золота в Средней Азии.

Так, еще до второго похода Бековича-Черкасского 1716—1717 гг. Петр I, отправляя в 1715 г. Волынского посланником в Персию, в данной ему инструкции в числе других поручений предписывал разведать: «Едучи по владениям шаха Персидского, как морем, так и сухим путем, все места, пристани, города и прочие поселения и положения мест, и какие где в море Каспийское реки больше впадают и до которых мест по оным рекам мочно ехать от моря и нет ли какой реки из Индии, которая бы

впала в сие, море...» (слова, данные разрядкой, написаны собственноручно Петром I).<sup>1</sup>

В именном указе от 2 марта 1718 г. поручику Урусову, посланному для описи Каспия, также предписывалось доехать до места, у которого Бекович-Черкасский строил крепость, — недалеко от Астрабата, «...где будто бывал проток Аму-Дарьи реки, и приехав, осмотреть оную протоку, в прям ли протока ли или, как Кожин сказывает, что залив, понеже в степи перегородило оную горами песочными».<sup>2</sup>

Кожин, как известно, утверждал, что мнение Бековича-Черкасского о найденном им Узбое ложно и ни на чем не основано. Петр I, после получения сведений о гибели Черкасского, требовал проверки этих сообщений, предлагая, «буде есть прямой знак протоки, что бывала река, ехать, пока оной начала не сыщешь». Далее приказывается «даделать» карту побережий Каспия, начатую Кожиним.

#### ПОСОЛЬСТВО БЕНЕВЕНИ

Наконец, необходимо особо остановиться на посольстве в Бухарию и Персию Флорио Беневени, итальянца, находившегося на службе в России, владевшего несколькими восточными языками. Беневени был отправлен почти тотчас же после командировки к восточному берегу Каспия Кожина и Урусова.

Поездка эта, явившаяся ответом на посольство в Петербург бухарского хана, в числе других целей имела и специальную задачу. Эта задача отражала все то же стремление установить пути в Индию, завязать с нею непосредственные торговые связи, развить торговлю с Бухарией, разведать о золотоносных реках Средней Азии. Как видим, экспедиция Беневени может считаться прямым продолжением походов Бековича-Черкасского и Бухгольца, что подтверждается рядом поручений, содержащихся в инструкции «секретарю экспедиции ориентальной Флорио Беневени».<sup>3</sup>

<sup>1</sup> С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XVIII. Изд. 2-е. СПб., «Общ. Польза», б. г., стр. 663.

<sup>2</sup> П. С. З., т. V, § 3177.

<sup>3</sup> Эта инструкция, данная при «Кроншлоте», т. е. Кронштадте, 13 июля 1718 г., опубликована в приложении II исследования А. Н. Попова. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. — Зап. Русск. геогр. об-ва. СПб., 1853, кн. 9, стр. 338—340. В ней, в числе других пунктов, предлагалось: «едучи ему в пути, а особливо хана бухарского во владении, как морем, так и сухим путем, все места, пристани и города и прочие поселения и положения мест, и какие где от них в море Каспийское реки большие и малые впадают, и какие

Посол выехал из Москвы в сентябре 1718 г. вместе с бухарским посланником, возвращавшимся на родину и ожидавшимся его в Астрахани. Беневени разрешалось, смотря по необходимости, ехать, не открывая своей фамилии или называясь другим лицом.<sup>1</sup>

До Черного Яра Беневени доехал водою, а оттуда до Астрахани, куда он прибыл 13 ноября, сухим путем. В конце июня 1719 г. он вместе с бухарским послом отправился из Астрахани, 4 июля высадился на персидском берегу и достиг Шемахи, где его долго задерживали под разными предлогами. Наконец, 11 августа 1720 г. ему удалось выехать из города по вызову персидского шаха. После многих приключений караван Беневени благополучно переправился через Куру и, пройдя через Гилян, прибыл 9 октября в Казвин, а оттуда через месяц в Тегеран (14 ноября 1720 г.). В Тегеране посол снова был надолго задержан.

Интересно отметить, что Турция, весьма недовольная решением, данным России Персией еще в последние годы царствования Алексея Михайловича, — провозить через Персию шелк в Астрахань, что подрывало бывшую до того торговлю через турецкий г. Смирну, послала в Тегеран своего посла. Последний требовал прекращения торговли и вообще излишней дружбы с Россией.

Турецкий посол, не дождавшись положительного ответа, уехал в Константинополь, а Беневени продолжали удерживать в Тегеране.

Только 25 мая 1721 г. он выехал в Бухарию и в первых числах ноября достиг Бухары, где принужден был оставаться

они суда имеют... присматривать все то прилежно и провеживать искусно...» (§ 2). «Еще же наивяще всего подлинно разведать и усмотреть стараться надлежит, какие товары Бухаряне в своем владении имеют и куды оными торгуют и не возможноть в те краи российского купечества размножить и чрез какой каңал и какие им товары потребны и может ли то купечество быть отправлено морем, или за чем морем невозможно, то сухим путем, и чрез какие места, и свободен ли проезд сухим путем от нападения какого; також жилые места или степи, или болота, чему всему иметь записку» (§ 6). «Ему же, посланнику, от Бухарцев и Хивинцев, которые живут в Бухарах, стараться подлинно уведомить, во владении Хивинском в реках Дарье, или иной какой, для чего было князь Александр Бекович Черкасский послан, золотого, как о том было от него, князя Черкасского, и от иных его царскому величеству донесено, о чем ему особливое известие прилагается» (§ 7). Далее предлагалось разведать, можно ли там получить большое количество этого золота, иметь там своих людей и узнать, как ко всему этому отнесутся бухарцы.

<sup>1</sup> § 2 инструкции. Путешествие Беневени в вышеуказанной статье А. Н. Попова «Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом» изложено наиболее обстоятельно и снабжено в приложении копиями официальных документов.

до февраля 1725 г., когда предпринял неудачную попытку пробраться степью на Мешхед, но возвратился обратно, ввиду нападения туркмен и узбеков.

8 апреля 1725 г. Беневени, не сказав никому о своем намерении, кроме одного русского купца, которому оставил все свое имущество, выехал ночью с 27 спутниками из Бухары и поскакал без остановки по степи за отправленными вперед верблюдами. На четвертый день путешествия по безводной местности, с редкими колодцами, наполненными соленой водой, они приблизились к Аму-Дарье и шли два дня ее берегом до перевоза у г. Азараса (Хазар-Аси). Переправившись через реку, Беневени послал гонцов к хивинскому хану и 19 апреля 1725 г. с почетом въехал в Хиву. Выехав оттуда в первых числах августа, Беневени через 25 дней достиг Гурьева городка и, немного отдохнув в нем, вернулся 17 сентября 1725 г. в Астрахань после более чем шестилетнего отсутствия.

Таким образом, Беневени побывал в Персии, Бухаре и Хиве. Вследствие неблагоприятных обстоятельств, он вынужден был долго оставаться там, что дало ему возможность тщательно собрать весьма любопытные сведения. Беневени уделяет много внимания политическому положению Персии, Хивы и Бухары, с их междоусобицами и сложными взаимоотношениями. Но, кроме того, многочисленные донесения и письма посла содержат чрезвычайно ценные сведения по истории, географии и этнографии посещенных им стран.

Остановимся кратко лишь на его сообщениях об Аму-Дарье, о полезных ископаемых, в особенности золоте, и на вопросах, связанных с торговлей.

«Река Аму в старые годы заподлинно в Каспийское море текла, но не вся, токмо половина (разрядка моя.— Д. Л.), а для которой причины отвращена вода и так крепко запружен проток, никто о том верно донести не может». Возможно, что реку преградили потому, что по ней не стало вниз к морю жилых мест, но возможно, «что по Аму-реке до самого моря жилия было премножество и хороших городков, а в них жил народ самый непостоянный, от которого Хива, так и Бухары, великое разорение терпели по все годы, чего ради Озбеки, собравшие вкупе, поднялись на оной войною, однакож увидя, что вдруг победить невозможно, рассужили за благо воду весьма пресечь, дабы зжаждити его и ретироваться тот народ принужден был, а те бы места опустели».<sup>1</sup>

<sup>1</sup> А. Н. Попов. Там же. Копия с цифирной (т. е. секретной, шифрованной) реляции посланника Флория Беневени 10 марта 1722 г., стр. 379.



Таким образом, здесь мы снова имеем подтверждение существования древнего русла и причин его иссыхания, причем указывается, что это был только рукав реки, но не все ее течение полностью. Камердинер Менер, посланный Беневени из Бухары, на расспросе сообщил подробности о течении Аму-Дарьи: «... оная река Дарья идет из Индианской земли из гор от города Кабулы мимо и подошла под Бадаксан, а из под Бадаксана идет мимо некоторых городов и деревень Бухарских и Хивинских и впадает в Аральское море». <sup>1</sup> Далее опять сообщается о наличии в прошлом Узбоя.

Беневени, наблюдения которого передал его камердинер, ошибался, сообщая об истоках Аму-Дарьи из гор от г. Кабула. Река Пяндж, продолжение течения которой принимает затем наименование Аму-Дарьи, берет свое начало значительно северо-восточнее Кабула; но все же указания Беневени сильно уточняли имевшиеся до того смутные сведения о течении этой реки. Ожидать же в то время вполне точных сообщений об истоках Аму-Дарьи, начинающейся в горной, дикой местности, было бы по меньшей мере странно. Мы знаем, с какими трудностями иногда встречаются и в настоящее время при определении начальных пунктов некоторых рек мира. Достаточно верно отмечено, что Аму-Дарья в пределах Бадаксана, т. е. современной Бадахшанской автономной области, протекает мимо бухарских и хивинских населенных мест.

О наличии значительных золотых залежей в Средней Азии сообщается неоднократно. <sup>2</sup> Приводятся интереснейшие подробности о технике добычи: «При том начале крупное в горах золото сыскивают тамошние жители, а наипаче во время овец стригут, шерсти их в воду кладут и засыпают грязью и песком, а потом на берег вытаскивают и, как шерсть высохнет, вытряхивают золото самое чистое».

О способе добычи «песочного» золота говорит и Менер: «Золото и серебро получают в Балхе из Бадаксана, а в Бадаксане берут из реки Дарьи в летнее время, а именно: в июне, в июле, в августе и в сентябре, когда бывают жары и вода в той реке мала. Оное золото натуральное, а не руда, и берут из песку, который берут из реки Дарьи и моют в котлах, а потом, высуша на кожах, бьют прутками, и тако оное золото меж песком означивается и выведается от ветру

<sup>1</sup> Там же, стр. 389. Показания камердинера Беневени Николая Менера в Коллегии иностр. дел 15. V 1724 г.

<sup>2</sup> Например: «река Аму из золотых руд начало свое не имеет, но между иными реками, которые в нее впадают, р. Токча, заподлинно из самых богатых руд начало имеет, а именно близко Бадакшану». (Там же. Шифрованная реляция 10 марта 1722 г., стр. 378).

песок, а остается самое чистое золото, и хотя бывает некая малая часть песку, то она в сплавке выгорает».<sup>1</sup>

Беневени не только собирал сведения о наличии золота в разных местах Средней Азии, но и послал его образец, добытый в песках по берегам р. Сыр-Дарьи, указывая, что «по помянутой Сыр-реке везде можно золото сыскать».

В сообщениях Беневени и Менера, как уже было указано ранее, много внимания уделяется и другим полезным ископаемым. В горах Бадахшана золото и серебро запрещают искать, и «тамошние беги (т. е. беки.— Д. Л.) не допускают брать ляпис-лазури, из которого камни целая большая гора стоит... два часа далеко от города Батфов одна большая гора есть, в которой драгоценный лал (аметист.— Д. Л.),— на сходу, отколе лал вынимают, железные суть ворота поделаны и накрепко затворены».

«Иных металлов и здесь в Бухарех заподлинно довольно как: меди, квасцов, свинцу и железа самого доброго». В Хивинских областях в горах Шеджелильских много серебряных руд и т. п. Обычно указывается довольно определенно и местонахождение залежей.

Не ускользнуло, конечно, от внимания путешественников и сырье, употребляемое для выделки красок: «А в Бухарской де земле, кроме всяких земных овощей и скота, родится из одного небольшого дерева в степи из червей одна дорогая краска, называемая кремез, а по-немецки кушенина, которую в России покупают фунт рублей по осьми, и оной де краски там зело много... Тех червей трут и тое краску делают, а потом ее мешают с немецкою. Оною краскою красят шелк, а в иных государствах красят ею сукна и прочие, которые сукна называют кармазинами».

В соответствии с основной целью путешествия сельскому хозяйству уделено меньше места, хотя иногда и сообщается о наличии, кроме голой степи, кое-где и богатых поселений с засеянными полями, о появлении «за 5 ден от Бадахшана» мест, в «которых всякое удовольствие, ни Хиве, ни Бухаре не в пример».

Подробно говорится об обмене золотого песка на различные товары и о направлении караванных путей, по которым расходилось из Средней Азии золото в другие страны.<sup>2</sup>

Менер, перечисляя российские товары, виденные им в Балхе и Бадахшане,— иглы, зеркала, ножницы и пр., подчер-

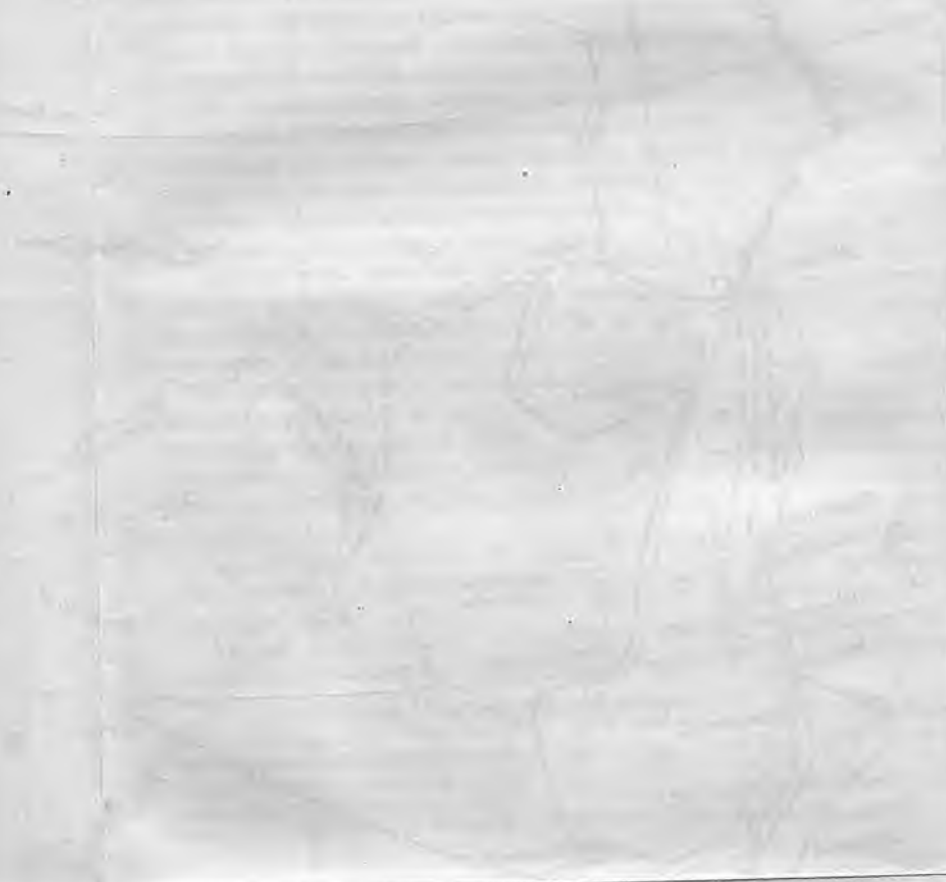
<sup>1</sup> А. Н. Попов. Там же. Допрос Менера, стр. 388.

<sup>2</sup> «Когда время было мирное, то в год из Бадаксана через Балх и чрез Туркменский город Анхой в провинцию Хора-Санскую и Столичный город Мешеть... хаживало с золотом и серебром каравана по два, по три и по четыре, и тамо оное золото и серебро передельвают в монету персидскую». Мешеть — г. Мешхед. Провинция Хорасанская — в Персии.











кивал, что они состояли «токмо из мелочей» и из мехов, самого «подлого» сукна зеленого, василькового и красного цвета и очень небольшого количества сукон добрых английских.

Итак, несмотря на получение многих ценнейших для науки географических сведений, в особенности о Каспийском, Аральском морях и Аму-Дарье, а также о Джунгарии, Петру I все же не удалось проникнуть в Индию. Приходилось, как и раньше, вести с ней торговлю весьма небольших размеров через посредников — жителей восточных стран, прилегающих к границам Российской империи.

Повидимому, уже в самом конце царствования Петра I возникла мысль установить деловые отношения с этой страной через южные моря. Здесь не могло уже быть речи об открытии нового, более короткого маршрута, а лишь об использовании давно известной морской дороги вокруг Африки.

Попытка Петра I в этом направлении интересна лишь в качестве характеристики различных географических направлений, которые избирались им на протяжении почти всего царствования, к расширению торговых связей с Индией.

#### ОРГАНИЗАЦИЯ МОРСКОЙ ПОЕЗДКИ НА МАДАГАСКАР И В ИНДИЮ<sup>1</sup>

Речь идет о неудавшейся экспедиции на Мадагаскар, преследовавшей, как мы это увидим дальше, весьма отдаленные цели.

В декабре 1723 г. вице-адмирал Вильстер, перешедший на русскую службу из Швеции после заключения Ништадтского мира и находившийся в Ревеле, получил из походной канцелярии генерал-адмирала Апраксина инструкцию за собственноручной подписью Петра I, предписывающую ему отправиться в тайный поход с двумя фрегатами. Конечный пункт не был назван, а лишь указано «в назначенное вам место». В делах об этом походе имелось официальное к «высокопочтенному королю и владельцу славного острова

<sup>1</sup> Сведения об экспедиции имеются у И. Голикова, Деяния Петра Великого... Изд. 2-е, 1837—1843 гг., т. IX, стр. 301—303, и т. X, приложение, стр. 370—382; гораздо подробнее у Ф. Туманского, Собрание разных записок и сочинений, служащих к составлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, ч. IX, СПб., 1788, стр. 209—269.

В советское время очень ценное исследование об этом путешествии дал А. И. Заозерский в статье «Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом», помещенной в книге «Россия и Запад». — Исторические сборники под ред. А. И. Заозерского, т. I. Пг., 1923, стр. 91—102.

Мадагаскарского Наше поздравление». Предлагалось даже, что «ежели объявленной король по склонности своей пожелает персоною своею ехать в Россию с некоторыми кондициями, то вам надлежит в наши порты пристать». Таким образом думали завязать связи с огромным островом.

Имеющиеся в деле русские и иностранные полуофициальные документы раскрывают причины этой странной экспедиции к несуществующему мадагаскарскому владыке. Из них видно, что за несколько лет до посылки Вильстера подобная экспедиция готовилась из Швеции, хотя о короле в ней речи не шло.

Дело в том, что на Мадагаскаре было немало беглецов из Швеции, грабивших европейские суда. Они обратились к шведскому правительству с просьбой о прощении, получили разрешение вернуться и покровительство шведского государства. Была организована «Африканская контора» для развития торговых предприятий, и один из представителей мадагаскарских шведов Морган, назначенный губернатором Мадагаскара, должен был выехать туда с военными силами. Дело, однако, затянулось, и чем оно окончилось — неизвестно, но остров под шведское владычество, как мы знаем, не попал.

Сведения о намерениях шведов дошли до Петра I, повидимому, через того же Вильстера, но без вышеуказанных подробностей, и побудили его послать экспедицию. Когда же выяснилось, что никакого короля на Мадагаскаре нет, Петр I не отказался от своего намерения, рассматривая посещение Мадагаскара только в качестве этапа и поставив целью посещение Индии.

В другой инструкции, от 5 декабря 1723 г., данной тому же Вильстеру, предписывалось: «Ехать вам от Санктпетербурга до Рогорвика и там сесть на фрегат Амстердам Галлей и другой с собой взять Декронделидже и с помощью Божией вступить в вояж до Ост-Индии, а именно до Бенгала. Будучи в вояже, от всех церемоний... удаляться под видом торговых кораблей и лучше вымпела не иметь.

Когда, с помощью Божией, в показанные места в Ост-Индию прибудете, тогда явитесь там Великому Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россией позволил производить коммерцию и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию; также и какие в его областях товары из России надобны суть».

Цель поездки определена достаточно ясно. Это все то же хорошо известное нам стремление к развитию торговли и расширению политических и коммерческих связей с Востоком.

К этому прибавлялось и одно небольшое, но очень характерное для Петра I личное поручение: «ежели там будет с

довольством покгауту, то стараться, как можно, достать таких дерев, каких здесь мало находится, а именно, чтоб в диаметре были 26 и до 30 дюймов». Речь шла о дереве, особенно пригодном для токарных работ — любимого занятия царя.

Однако эта строго засекреченная экспедиция на Мадагаскар не удалась. Едва корабли вышли из гавани, как обнаружилась их непригодность к далекому плаванию, и, по выражению Апраксина, Петр I принял «нечастие с немалой болезнию».

## ПОИСКИ МОРСКИХ ПУТЕЙ В ЯПОНИЮ

Интересы России петровского времени на востоке не ограничивались Индией. Япония, сведения о которой в Западной Европе в начале XVIII в. были крайне неопределенны и неточны, также издавна была страной, привлекавшей, как это отмечалось ранее, большое внимание русских.

Грубые изображения ее встречались на русских чертежах второй половины XVII в., в некоторых текстовых документах приводились также и кое-какие отрывочные сведения о японском государстве.<sup>1</sup> Спафарий, вернувшись из путешествия в Китай, в представленном им отчете посольства<sup>2</sup> посвятил несколько строк описанию «славного и великого острова Яппонского», правда, очень поверхностному и неточному.

В. Атласов в своей «скаске», говоря о «как бы» виденном им на море одном из Курильских островов, добавляет: «... и иноземцы сказывают, что там острога есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие, про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к Курильским иноземцом ценнинная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чем с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют».<sup>3</sup>

<sup>1</sup> См. упоминавшуюся ранее нашу работу «География в России XVII века», в которой приведены (в главе о картографии, о путешествиях на восток и некоторых других) соответствующие сведения.

<sup>2</sup> Н. Г. Спафарий. Описание первья части вселенные, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910.

<sup>3</sup> Н. Н. Оглоблин. Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки. — Чтения в Об-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. 1891, кн. 3 (158) отдел I, стр. 16. Ценнинная посуда — фарфоровая и фаянсовая. Даб — китайская хлопчатобумажная ткань. Лензовый аяз — атласный зипун.



Он же отбил, как уже говорилось выше, у камчадалов: «полоненника — индейца». «Подобием как бы гречанин, сухощав, ус невелик, волосом черн». В этих коротких строках хорошо обрисован внешний облик японцев. Пленник, «...как увидел у русских людей образ божий, зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же... а сказывался индейцом, и золота де у них родится много, и палаты ценные, а у царя де индейского палаты серебряные и вызолочены». <sup>1</sup> Петр I настолько заинтересовался этим, что приказал с возможной осторожностью доставить пленника в Москву, куда он и был привезен в конце 1701 г. Опрошенный 29 декабря 1701 г. в Сибирском приказе «индеец» оказался японцем, назвавшим себя Денбеем, сыном торговца, родом из «Японского Осака», <sup>2</sup> а вовсе не подъячим, как это думал В. Атласов. Денбей поведал о своем несчастном приключении, говоря с трудом на русском языке, которому он уже успел несколько выучиться, во всяком случае настолько, что в приказе могли записать много интереснейших данных о его родине.

Однажды зимой Денбей с товарищами на 30 бусах, «а по их звание довни, длиною те суды сажень в маховых по 15, а шириною и вышиною по 4 сажени... пошли в г. Енду (т. е. Токио.— Д. Л.), которой стоит на взморье расстоянием от Асакка с 700 верст».

Дальнейший рассказ Денбея интересен для нашей темы потому, что он характеризует не только объем знаний русских начала XVIII в. о Японии, но и тот круг вопросов о чуждых странах, который привлекал особое внимание лиц, расспрашивавших японца. Конечно, приказные не упустили случая заинтересоваться товарами, и Денбей сообщил: «а товары с ними были: пшено сорочинское, да вино пшениное, <sup>3</sup> да камки и китайки, бумага хлопчатая, сахар белой, что мука и леденец, да древо сандал, да железо для мены на шолк и на дощатое железо, и на полотна крапивные, и на золото, и на серебро, для того, что де серебро и золото печатают только в двух городах, в Меаке (г. Киото.— Д. Л.) и в Енде и владетель их в тех двух городах переезжая живет». Далее следовал рассказ о крушении и плене, уже известный из «скаски» Атласова.

Характерно, что, по словам Денбея, курилы после нападения на японцев, решивших для спасения жизни отдать товары,

<sup>1</sup> Там же, стр. 17.

<sup>2</sup> Н. Н. Оглоблин. Первый японец в России 1701—1705 гг.— Русская старина. 1891, октябрь. Отсюда и взяты дальнейшие сведения о Денбее и его рассказе.

<sup>3</sup> Сорочинское пшено — рис. Пшениное вино — рисовая водка, широко употребляемая японцами.

взяли камку и железо, «а пшено и сахар нюхали, и что запаху никакова оттого нет, також' вино, которого с ними было с 500 бочек, понюхав, бочки рассекли и помешаны то пшено и сахар и вино вылили в воду, а бочки оставили себе класть рыбу, для того, что в курильской и в камчадальской земле никакой посуды у иноземцев нет. А рыбу кладут в ямы, а поверх покрывают деревьем и травой, и та рыба вся измывовее, и они тое рыбу кладут в корыта и наливают водою и разогревают горячим камнем, да к тому прибавляют грибов мухоморов, и то пьют, и гостей свою братью подчигают и бывают оттого пьяны».<sup>1</sup>

Как обычно, в центре внимания стояла торговля, и Денбей в ответ на вопросы не только рассказал, что они везли с собою, но и сообщил о товарообмене с Китаем, откуда привозят: «пшено, железо, доски корабельные, кость рыбью и мамонтовую»: А они, японцы, продают китайцам «бумагу хлопчатую, камки, китайки, золото, серебро». Это очень интересные сведения для истории японо-китайской торговли конца XVII в.

Но Денбей, повидимому, был хотя и грамотным (он подписался под допросом по-японски), но весьма мало образованным человеком, плохо представлявшим границы и географическое положение своей родины. Он, например, утверждал, что «де с Японского острова в Китай сухой (?) и морской путь есть, и он, Денбей, в Китаях сухим путем и морем бывал в китайских городех... и китайцы к ним морем и сухим путем приезжают».<sup>2</sup> Денбей утверждал, что в другие земли, кроме Китая, японцы не ездят, в частности, «наперед де сего в Курильскую и в Камчадальскую землю из их японские земли никто не ездывал». Очень ценное ссечение, подтверждающее полную независимость Камчатки и Курильских островов от Японии и даже отсутствие торговых связей. Следовательно, если показания Денбея верны, даже простая торговля японцев с курильцами началась только с XVIII в.<sup>3</sup>

Замкнутая, глубоко феодальная Япония тех дней была ограждена от европейцев и с трудом допускала их к себе, о чем совершенно правильно сообщил Денбей, говоря, что в другие земли японцы не ходят. В свою страну японцы допускают корабли «немцев» с сукнами и иными товарами, но лишь

<sup>1</sup> С. Крашенинников в своем описании Камчатки также указывал на употребление местным населением мухоморов в качестве опьяняющего средства.

<sup>2</sup> Вряд ли можно думать, что это результат ошибок при допросе из-за плохого знания русского языка Денбеем. Он ведь рассказал много верных сведений. Значит его понимали неплохо.

<sup>3</sup> Козыревский и Анциферов, как уже отмечалось раньше, сообщали о наличии некоторой торговли между курилами и японцами.

в г. Нангасана, т. е. Нагасаки. В нем живет много «немцев», в остальные же города Японии чужестранцев не пускают.<sup>1</sup>

Один из следующих основных вопросов — природные богатства страны: «а родится де у них золото, серебро и делают жамки и китайки, а жемчугу и камня дорогова у них нет потому, что де у них жемчугу и камня никто не носит. А в море у них звери бывают изредка — подобны быкам и рыбы большие сажени по 4 и по 2 бывают».

Сообщаются сведения и о скотоводстве, полевых и садовых культурах, рыболовстве: «а скот у них быки, лошади, свиньи, овцы, и тех скотов они не едят, а едят гусей, уток, кур русских и индейских журавлей, да по их языку птицу кужаку,<sup>2</sup> величиною с быка, перье белое, хвост черной, ноги красные, да рыбы большие сажени по 2, которые живут в море, а в озере их живут караси, а в реках рыбы не бывает, потому что де вода зело тепла. Да в море ж ловят мелкую рыбу, подобно волоцким ильмушкам. Да ягоды сладкие и кислые и яблока рождаются, да пшено сорочинское, а иногда пшено сорочинское привозят из Китай к ним напродажу».

Сведения о свиньях и овцах должны вызывать сомнение, так как, по крайней мере в XIX и XX вв., эти животные в Японии почти совершенно отсутствовали. Промысловых рыб в ее реках, действительно, немного, хотя, конечно, не вследствие слишком теплой воды.

Внешний вид поселений всегда привлекал внимание русских. У Петлина, Байкова, Спафария и других путешественников по востоку в XVII в. можно встретить об этом ценные сведения. Денбея спрашивали и о японских городах, и он рассказал о них, так же как о серебряной и ценной (фарфоровой и фаянсовой) посуде. Последнюю делают у них де из морских раковин, толкут их намелко и мешают с глиною.

Затем дается описание судов, строящихся без крыш, «только для бережения товаров делается на всяком судне по чулану с покрывкой». Наконец, кратко сообщается о носимой японцами камчатной и китайской одежде.

Конечно, интересовались оружием и вообще военным делом: «пушечки есть маленькие по аршину и по полтора аршина и порох есть же, а делают тот порох в их же земле... А у воинов их оружие — мушкеты, копье, сабли... Только де у

<sup>1</sup> Следует помнить, что «немцами» в то время в России называли вообще иностранцев. Такой смысл надлежит придавать и словам Денбея о немцах, т. е. как о чужестранцах в Японии.

<sup>2</sup> Индейские журавли — японские журавли. Что касается кужаку, то, по мнению Л. С. Берга (Открытие Камчатки..., стр. 165), это японский аист, распространенный в Японии, Корее, Северном Китае и в Уссурийском крае. В настоящее время «кудзьяку» — название павлина.

них войны никакие ни с кем не бывает», а что касается торговых людей, «то они могут держать пищали и пушки только в домах».

Не забыты также и вопросы религии: «вера де у них с китайцы одна — поклоняются идолам, которых у них золотых и серебряных и медных и железных и деревянных многое число разными образцы». И в другом месте: «ензуитов и попов немецких в городех японских нет, а есть ли или нет в Нангасаке городе, — не ведаю. И креста Христова у них нет же и иных никаких вер они, японцы, не принимают и быть иным верам не велят». Денбей отмечает не только родственность религии китайцев и японцев, но и вообще говорит о том, что «китайцев де у них с японцами считают за одних людей, потому де у них идолопоклонение, и языки, и письмо, и обычаи одни». Это неверно и, может быть, является отголоском давнишнего стремления японцев выставить себя в нужных случаях сородичами китайцев!

В конце расспроса говорится о денежной системе Японии: «а денъги у них медные называют жени (т. е. зени.— *Д. Л.*), подобны русским медным денежкам округлостью и толщиной, да серебряные денъги, которые называют у них гин, весом блиско московского золотника, а такую копейку привез к Москве Володимер Отласов...» и т. д.

Был еще вопрос, интересовавший русских, только что перешедших по указу Петра I на новое летоисчисление и на начало года с 1 января, а не с сентября, как это было до 1700 г., это — система календаря. И Денбей удовлетворил их любознательность: «а в их японской земле считают оне в году по 12, а в ином году по 13 месяцев, а в месяцах по 4 недели, а в месяце по 28, а в иных по 29 дней. А год починается у них зимой».

Таков разнообразный круг сведений по экономике и этнографии Японии. Эти сведения из жизни чужих стран стояли в центре внимания русских того времени — черта, также отмеченная нами для большинства соответствующих документов всего XVII в.

Однако и в данном случае, как и в других, интересовались, хотя в гораздо меньшей степени, и природой страны.<sup>1</sup> Денбей рассказал о теплом климате Японии: «...а снег бывает у них в двух месяцах, в одном три дни, а в другом два дни, как ветер будет с полунощную сторону (т. е. с севера.— *Д. Л.*), и того снегу нанесет малое число толщиной на перст и того же дня стает, а морозов не бывает, только бывают

<sup>1</sup> «Скаски» Вл. Атласова о Камчатке с их прекрасным описанием природы полуострова являются, как это подчеркивалось, исключением.



ветры студёные три месяца. А большей день 12 часов, меньший по 7 и по 8 часов, а среди лета солнце бывает над самым теменем и зело бывает жарко».

Солнца в зените над Японией, конечно, не может быть. Что касается малоснежных зим, то для Осаки, родины Денбея, это в общем верно. На западе и особенно на севере Японии зимы гораздо суровее, и снегу выпадает много.

8 января 1702 г., через 10 дней после допроса, результаты которого, конечно, доложили Петру I, Денбей был уже представлен ему. Японца не отпустили на родину — его оставили в Москве для изучения русского языка и обучения русских «робят» японскому. Петр I хотел открыть соответствующую школу.

Сведения о Японии продолжали собирать и позднее. В 1708 г. у мыса Лопатки разбилась японская буса.<sup>1</sup> В 1710 г. севернее Авачинской губы снова было выброшено на берег судно с японцами, также сообщившими кое-что о Японии и ее местонахождении: «А стоит де их государство против Камчатцкого Носу на Пенжинском море на острове. А сказывают в своем государстве и в городах золото и серебро родитца, камки и китайки и дабы делают».<sup>2</sup>

В упоминавшемся ранее наказе, данном приказчику Савостьянову 9/IX 1710 г., также предлагалось проведать о Японии.<sup>3</sup>

Камчатский приказчик Колесов от пленных японцев узнал, что за Курилами лежат японские острова Матсмай и Нипон. На последнем находится многолюдное, богатое золотом, серебром и медью государство Иессо или Иедзо, в котором делают шелковые материи, китайки и бумажные ткани, а также родится в изобилии хлеб, всякие овощи и табак.<sup>4</sup>

Один из японцев, по имени Сан, ездил, как уже отмечалось раньше, с Козыревским в 1713 г. на Курилы, а затем

<sup>1</sup> А. Сгибнев. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий.— Морской сборник, 1869, т. 100, № 7, стр. 88.

<sup>2</sup> П. С. И., т. I, стр. 478—479.

<sup>3</sup> Наказ Савостьянову предписывал: «чтобы учинить с Японским государством меж русскими людьми торги немалые, как и у китайцов с русскими людьми бывают торги... И проведывать ему, какие у них в Японском государстве узорочные товары обретаются, также и русские товары в том государстве какие надобны, и на которые походу болши бывают, и станут они с русскими людьми торги иметь, и воинские японские люди какое у себя имеют оружие и битву, и к воинскому делу каковы удобны и какими путями проезд к ним бывает, о том вышеписанном о всем осведомиться подлинно и писать». Узорочные товары — изделия художественно-кустарного характера (П. С. И., т. I. СПб., 1882, № 99).

<sup>4</sup> А. Сгибнев. Там же, стр. 38.

был в 1714 г. отправлен в Петербург.<sup>1</sup> Козыревский представил некоторые, хотя и очень поверхностные сведения о Японских островах.

Слухи о неимоверных богатствах Японии, как видим, были сильно распространены в Петербурге с 10—15-х годов XVIII в. В то же время сколько-нибудь точные сведения об истинном местоположении этого государства отсутствовали.

И в России и за границей многие полагали, что Япония весьма близка к Америке. Слухи эти появились еще до середины XVII в. В 1643 г. были посланы для розыска таинственных земель к северу и западу от Нипона и для исследования побережий северного Китая два голландских корабля — «Бресскенс» и «Кастрикум». Командир «Бресскенса» Схеп прошел вдоль Хондо с востока проливом Цугуру, отделяющим его от Хоккайдо, и повернул в открытое море на северо-восток. Пройдя некоторое расстояние, он вернулся обратно к Японии и был взят в плен. Де-Фриз, командир «Кастрикума», достигнув юго-востока Хоккайдо, проплыл далее к югу и открыл какой-то неизвестный остров, отделенный с юго-западной и восточной стороны проливом от каких-то земель.

Однако сведения, сообщенные этими капитанами, были очень неопределенны и изобиловали неточностями и вымыслами. Де-Фриз решил, что территория, лежащая от острова к востоку, — побережье Америки, и назвал ее «Компанейской землей». По возвращении он рассказал, что земля там серебряного оттенка и распускается в воде.

В сочинении Гюбнера «Земноводного круга краткое описание», весьма популярном и распространенном на Западе в начале XVIII в., говорилось о том, что Америка и остров Ессо (Хоккайдо) «неведомо ...вверху между собой смежны ли суть». Таким образом, определенных сведений об относительном географическом положении Японии и Америки не было. Но, вместе с тем, допускалась их тесная близость, «смежность», друг с другом. Все это должно было вызывать большой интерес Петра I и его соратников, так упорно стремившихся к расширению торговых связей России с другими странами.

<sup>1</sup> Существует предположение, что Петр I, не дождавшись посланного к нему японца, приказал в 1714 г. посадить на лодку двух совершенно не обученных морскому делу людей для поисков островов в Охотском море. Об этом известии, сообщенном только ганноверским резидентом Вебером, упоминают, между прочим, тот же А. Сгибнев (Попытки русских... — Морской сборник, 1869, т. 100, № 1, стр. 39), а из советских ученых Л. С. Берг (Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742. М.—Л., 1946, стр. 168). Оба они, однако, правильно полагают, что это сообщение мало достоверно. Повидимому, основанием для такого слуха послужило посещение русскими в 1712—1714 гг. Шантарских островов.

Сообщения Денбея, сделанные им в самом начале XVIII в., донесения из Сибири о посещениях русскими Курильских островов в 1711—1713 гг., о том, что жители их вели товарообмен с иноземцами, приезжающими с близлежащей полуденной (т. е. южной) страны, и о руде, которую на одном из Курил приобретали японцы,—все это усиливало интерес русских того времени к этой стране.

Слухи о близости к нам Японии и ее богатстве, распространявшиеся между жителями Петербурга, особенно купцами, «успели заинтересовать тамошнее сословие и вызвать его новое предприятие».<sup>1</sup>

В 1716 г. несколько торговых домов просили Сенат разрешить им торговлю с Японией и Ост-Индией по очень своеобразному маршруту: Северная Двина — Ледовитый океан до Обской губы — оттуда реками до Байкала — затем Селенгою — Ингодою — Шилкой и Амуром в Восточный океан. Заинтересованный этой просьбой, Я. В. Брюс запросил у сибирского начальства необходимые разъяснения. Выяснилось, что организация такого рода путешествия практически невозможна.

Тогда Петр I решил послать в Охотское море Евреинова и Лужина для получения более точных сведений о Курилах и Японии (о самой экспедиции уже говорилось ранее). Цель поездки была строго засекречена, и широко известная официальная инструкция 2 января 1719 г.<sup>2</sup> говорила лишь о необходимости выяснения давно интересовавшего вопроса о северо-восточном проходе: «...ехать Вам до Тобольска, и от Тобольска взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее, куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и Вест, и все на карте исправно поставить...» В этом указе обращает внимание отсутствие конечного пункта поездки.<sup>3</sup>

О полной секретности настоящей цели экспедиции говорит хотя бы достаточно дерзкий ответ «геодезистов» капитану-поручику Измайлову, данный ими 3 сентября 1721 г. на запрос об их местонахождении, занятиях в данный момент и

<sup>1</sup> А. Сгибнев. Там же, стр. 40—41. См. также цитированную ранее статью А. Покровского «Беринг и его экспедиция». — В книге «Экспедиция Беринга». Сб. документов. Подгот. к печати А. Покровский. М., 1941, стр. 24.

<sup>2</sup> П. С. З., т. V, § 3266.

<sup>3</sup> Уже академик К. М. Бэр обратил внимание на то, что истинная секретная задача, данная Петром I геодезистам, не совпадала с официальной и заключалась в исследовании Курил и собирании сведений о Японии и возможности сношения с ней (К. М. Бэр. Заслуги Петра Великого... — Зап. Русск. геогр. об-ва, 1849, кн. III, стр. 234).

задержке в Якутске. Лужин и Евреинов, объясняя задержку, прибавляют, что «... по наказу за собственной рукою царского величества... что надлежит отправили (т. е. выполнили.— Д. Л.), о котором отправлении будем ответствовать самому его царского величества»<sup>1</sup>

Отчет Евреинова Петру I, как указывалось ранее, был найден лишь недавно. А. В. Ефимов сообщает: «... при изучении текста отчета Евреинова, подписанного, как и карта, им единолично, обращает на себя внимание то, что в целях конспирации Евреинов в отчете продолжал утверждать, что целью экспедиции, посланной Петром I, было узнать, сошлась ли Америка с Азией, хотя несомненно, что задачей ее было разведать Курильские острова и путь в Японию».<sup>2</sup>

Таким образом, А. В. Ефимов присоединяется к мнению ученых, отвергающих в качестве главной цели экспедиции ее официальную мотивировку.

И действительно, было бы совершенно непонятным, зачем понадобилось Петру I так засекречивать конечный пункт поездки, да и всю экспедицию, если бы ее основной задачей являлось только решение вопроса о проливе между Азией и Америкой. Вся совокупность обстоятельств, при которых снаряжалась экспедиция, заставляет считать указанную выше истинную цель экспедиции достаточно обоснованной.

<sup>1</sup> П. С. И., т. II, № 73.

<sup>2</sup> А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М., 1948, стр. 140—141.



## ВАЖНЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В КИТАЙ

В течение XVII в., до Петра I, русские открыли сухопутные пути через Среднюю Азию и Сибирь в Монголию и Китай и дали исключительные по богатству содержания описания этих стран, широко использованные Западной Европой.<sup>1</sup>

В самом начале петровского времени, в 1691—1693 гг., состоялась поездка в Монголию боярского сына Матвея Юдина.<sup>2</sup> Но с интересующей нас точки зрения она не имела заметного значения. Поэтому укажем кратко, что в 1691 г. тобольский воевода С. И. Салтыков назначил М. Юдина послом к Бутухту-хану с целью привлечения его в русское подданство, урегулирования торговых отношений, выдачи русскому правительству перекочевавших в Джунгарию киргизов. Выехав 7 марта 1691 г. из Тобольска, М. Юдин через Енисейск и Илимский острог прибыл в Иркутск, откуда вместе с посланцем Бутухту-хана и 6 казаками только в конце августа отправился в Удский острог.

Из-за трений с местным начальством и задержания его кочующими киргизами М. Юдин с товарищами после различных злоключений лишь 11 сентября 1693 г. достиг верховий р. Кобдо, протекающей на западе современной Монгольской Народной Республики. 15 сентября он с казаками был представлен хану и кочевал вместе с ним, посетив речку Сок, в которой Э. М. Мурзаев, вслед за Г. Н. Потаниным, видит р. Суок.<sup>3</sup> В октябре М. Юдин со спутниками был отпущен Бутухтоуханом обратно и 3 декабря 1693 г. возвратился в г. Томск.

<sup>1</sup> Подробнее об этом сказано в соответствующих разделах нашей работы «География в России XVII века (допетровской эпохи)», М.—Л., 1949.

<sup>2</sup> Изложение путешествия М. Юдина дано по статье Г. Спасского «Посольство из Тобольска к Бутухту-хану Зюнгарскому в 1691 году» (Займствовано из рукописной «Сибирской летописи» Черепанова).—Сибирский Вестник, 1821, ч. 15—16.

<sup>3</sup> Э. М. Мурзаев. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М.—Л., 1948, стр. 26.

В течение петровского времени в Монголии побывали и другие посланцы русского правительства. Так, первый глава духовной миссии в Китае И. Лежайский в 1707 г. отправился в Монголию, а в 1714 г. прибыл в Пекин.<sup>1</sup> В 1713 г. через Монголию проехал на обратном пути в Россию уже упоминавшийся ранее Трушников. Русский торговый агент в Китае Лоренц Ланге, неоднократно с 1716 по 1722 г. ездивший в Китай, также проходил через Монголию и оставил дневник, содержащий некоторые сведения об этой стране.

Но гораздо многочисленнее были сношения России с Китаем.

В целях дальнейшего расширения дипломатических и торговых связей с этим государством в петровское время в него направлялось несколько посольств и торговых караванов. В задачу настоящей работы не входит исчерпывающее рассмотрение всех подобных путешествий. Напомним лишь о важнейших из них.

В начале 80-х годов XVII в., еще во время правления царевны Софьи, у России установились враждебные отношения с Китаем, пытавшимся захватить русское Приамурье. Летом 1685 г. китайские войска овладели русским укреплением на Амуре — Албазином. Его малочисленный гарнизон (не более 350 человек) вынужден был после героического сопротивления отступить, но выговорил себе право свободного возвращения в Нерчинск и Якутск.

Для урегулирования новых требований Китая 20 декабря 1685 г. из Москвы в Пекин выехало посольство Никифора Венюкова и Ивана Федорова.

В тайном наказе, помимо различных дипломатических поручений, послам предлагалось разведать, сколь пространно и многолюдно и с кем граничит Китайское государство. Задержавшись в пограничных районах Сибири, послы только 31 октября 1686 г. приехали в Пекин и 10 ноября того же года выехали обратно. Отправленный из Москвы в Сибирь в январе 1687 г. Федор Алексеевич Головин, заключивший с китайцами известный Нерчинский договор 29 августа 1689 г., сам в Китае не был. Но им в ноябре 1687 г. был туда послан «жилец» Степан Коровин, благополучно возвратившийся на родину 28 июня 1688 г. В мае 1688 г. в Пекине побывал подъячий Посольского приказа Иван Логинов.

В момент заключения Нерчинского договора Петру I было лишь 17 лет, и его внимание, как известно, в эти годы не направлялось на вопросы внешней политики. Таким образом, указанные выше сношения с Китаем относятся, по существу,

<sup>1</sup> Там же, стр. 28.

еще к допетровскому времени. Поэтому первым, действительно относящимся к петровскому времени путешествием в Китай с важными дипломатическими целями надо считать поездку в 1692 г. Идеса (подробнее см. ниже).

5 июля 1694 г. нерчинским воеводой М. Гагариным был послан в Китай боярский сын Агапит Плотников.<sup>1</sup> Отправившись из Аргунского острога через Маньчжурию, Плотников пересек р. Наун (Нонни), проехал через Шичагар (Шицикар) и 31 октября 1694 г. прибыл в Бежегу (т. е. в Пекин), а 21 апреля 1695 г. вернулся обратно в тот же Аргунский острог. Его путешествие продолжалось всего 9½ месяцев. В 1696 г. в Пекин отправился первый русский торговый казенный караван.<sup>2</sup>

С этого момента в течение нескольких лет почти ежегодно в Пекин посылались «российские купчины» с «мягкой рухлядью» и другими товарами: в 1698 г. — купец Иван Саватеев, в 1699 г. — Григорий Тимофеев сын Боков с несколькими спутниками, в 1704 г. — снова Иван Саватеев и т. д., вплоть до 1722 г.<sup>3</sup> Иногда эти караваны сопровождались многими купцами, как, например, в 1704 г. при посылке Григория Афанасьева Осколкова и с ним «е товарищах» — Гусятникова, Жилина, Чукичева.

Особое место занимает поездка в Китай в 1719—1721 гг. капитана лейб-гвардии Преображенского полка Льва Измайлова с двумя секретарями: Лоренцом Ланге и Иваном Глазуновым. Посольство это преследовало обширные политические и торговые цели и весьма тщательно подготовлялось.

Петр I приказал в январе 1719 г. выписать все сведения о «... посыланных наперед сего от царского величества к китайскому богдыхану... начав из давних лет и о чем возможно сыскать и известие в посольской канцелярии до последней посылки, в которой как чают они (Петр I.—Д. Л.) был Елизар Избрант, кто для каких дел посылан и как в Китай от богдыхана приман и какими резолюциями возвращались». <sup>4</sup> Выпись эта была получена из посольской канцелярии 2 сентября 1719 г. Для истории русской географии большее значение имеют донесения не Измайлова, а Лоренца Ланге,

<sup>1</sup> Д. А. И., т. X, § 67, п. XXXI.

<sup>2</sup> Х. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М., 1882, стр. 34.

<sup>3</sup> Н. Н. Бантыш-Камениский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1862, стр. 74—83; Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. I, 1700—1713. СПб., 1882.

<sup>4</sup> Б. Г. Курц. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков — Киев, 1929, стр. 65.

бывшего в Пекине после отъезда посла, о которых будет сказано в разделе о торговле.

К петровскому времени надо отнести и посольство в Китай С. В. Владиславовича (называемого также Рагузинским), хотя он выехал из России 12 октября 1725 г., т. е. уже после смерти Петра I. С 1721 г. до октября 1725 г., вследствие ухудшения отношений Китая с Россией, в Пекине не было ни одного русского каравана.

Таковы в самых общих чертах главнейшие этапы сношений России с Китаем при Петре I.

Конечно, лица, посылаемые за границу с дипломатическими или торговыми целями, снабжались, как и в XVII в., соответствующими инструкциями, указывавшими маршруты и цели (явные и тайные) и требовавшими представления отчетов. Эти отчеты обычно уделяли большое внимание размерам и географическому положению Китайского государства, его вооруженным силам, хозяйству и, особенно, вопросам, связанным с развитием торговых отношений с Китаем. Последний круг сведений наиболее важен. Пути в Китай, как отмечалось выше, были в основном открыты уже в XVII в., задолго до Петра I. При нем в этой области можно отметить лишь поиски более удобных маршрутов на отдельных участках. В общие описания Китая, сравнительно со сделанными ранее русскими посланниками, петровское время также не внесло ничего существенно нового.

Напротив, организация получения сведений, которые мы по современной терминологии отнесли бы к области географии внешней торговли, достигла в царствование Петра I гораздо более высокого уровня, чем до него. Самый объем их во много раз превышал все, что имелося в допетровском периоде. В частности, это относится и к данным о китайской торговле. В дальнейшем этой области географических знаний будет уделено специальное внимание.

Пока же остановимся на путешествии Идеса и его значении.

Эверт (Эберхард) Исбрант Идес, или, как его именовали в русских документах, Елизарий Елизариев сын Избрант, с 1677 г. торговал в России. Его национальность до сих пор точно не установлена, но во всяком случае он был датским подданным.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Н. Н. Бантыш-Каменский в цитированной ранее работе (Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань, 1862, стр. 66) прямо называет его датчанином. М. П. Алексеев (Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. 1, ч. 2. 2-я половина XVII века. Иркутск, 1936, стр. 139), указывая на то, что Идеса считали или немцем или голландцем, приводит доказательства его датского подданства.



Когда русское правительство, не получая от Китая в течение трех лет известий об утверждении Нерчинского договора, решило отправить туда «посланного поверенного», Идес вызвался выполнить это поручение, рассчитывая использовать поездку в своих личных интересах. Вместе с ним были посланы «для письма» Посольского приказа подьячий Семен Порецкой, подьячий из Тобольска Иван Сумороцкий, два прапорщика и «... для сыскивания же коренья, трав, семян и всяких лекарств, из аптеки лекарь Христофор Каретенс». <sup>1</sup>

Как и обычно, посланник получил подробный наказ, содержащий статьи, касающиеся урегулирования с Китаем ряда политических и торговых вопросов. В числе их — тайно разведать, как китайцы думают «... развестъ рубежи с российским государством, какие поставлены на границе знаки и буде можно учинить чертеж всему». Наконец, Идес должен был добиться разрешения ходить по торговым рядам в Пекине, «примечая покупку и продажу между ими всяких товаров, платеж пошлин и место откуда, какие привозятся товары» <sup>2</sup> (разрядка моя.— Д. Л.).

Таким образом, не только инициатива и организация посольства явилась делом русского правительства, но, как это практиковалось обычно при посылке иностранцев, и в этом случае с иностранцем (живущим уже 15 лет в России) были посланы в качестве помощников русские подьячие. Поэтому неправильно относить Идеса, как это сделал М. П. Алексеев, <sup>3</sup> к «иностранным путешественникам» по Сибири.

Мы знаем, что даже в допетровский период при организации посольств в восточные страны русскими центральными правительственными органами проводилась большая подготовительная работа, заключавшая в себе элементы научно-исследовательской. Послов снабжали ценными сведениями о странах, куда они направлялись, об особенностях предстоящего пути, разрабатывали маршруты путешествия и т. п. Наконец, их помощники, бесспорно, принимали известное участие в собирании необходимых сведений как по пути следования, так и о том государстве, в котором они находились с посланником. <sup>4</sup> То же самое было и во время путешествия Идеса. Этого нельзя забывать.

Совершенно неправильно считать научные достижения посольства Идеса всецело результатом индивидуального

<sup>1</sup> Н. Н. Бантыш-Каменский. Там же, стр. 66.

<sup>2</sup> Там же, стр. 67—68.

<sup>3</sup> М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, ч. 2. 2-я половина XVII века. Иркутск, 1936.

<sup>4</sup> Ярким примером этого может служить посольство Спафария.

творчества «иностранный писателя», наряду с произведениями Авриля, Невилля и некоторыми другими, приводимыми в той же книге М. П. Алексеева.<sup>1</sup>

Опубликованный Идесом труд является результатом организованной и осуществленной русским правительством экспедиции в Китай (к тому же далеко не первой) и как таковой его следует рассматривать в истории русской географической науки петровского времени.

После этих необходимых замечаний перейдем к краткому рассмотрению основных этапов и научных результатов путешествия Идеса.

14 марта 1692 г. посольство выехало из Москвы. Основные этапы путешествия, совершенного частью сухим путем, частью по рекам, были следующие: города Вологда — Устюг — Кайгород — Соликамск — р. Кама — р. Чусовая — Невьянский завод — реки Решь (Режь) — Тура — Тобол — г. Тобольск — реки Иртыш — Обь — города Сургут — Нарым — р. Кеть — Маковский острог — г. Енисейск — далее на восток по льду замерзшего Енисея — р. Верхняя Тунгуска — города Илимск — Иркутск — озеро Байкал — реки Уда — Ингода и Шилка — г. Нерчинск — китайская граница в районе р. Аргунь. Перейдя ее, Идес со спутниками достигли р. Ял (приток Нонни), р. Наун (Нонни), затем, продолжая путь на юг, пересекли несколько рек и возвышенностей, прошли г. Калган и 3 ноября 1693 г. «подошли на трехверстное расстояние от Пекин-га» (Пекина),<sup>2</sup> куда вскоре и прибыли. Из Пекина посольство в феврале 1694 г. отправилось в обратный путь. В Москву Идес возвратился 1 февраля 1695 г. (фиг. 5).

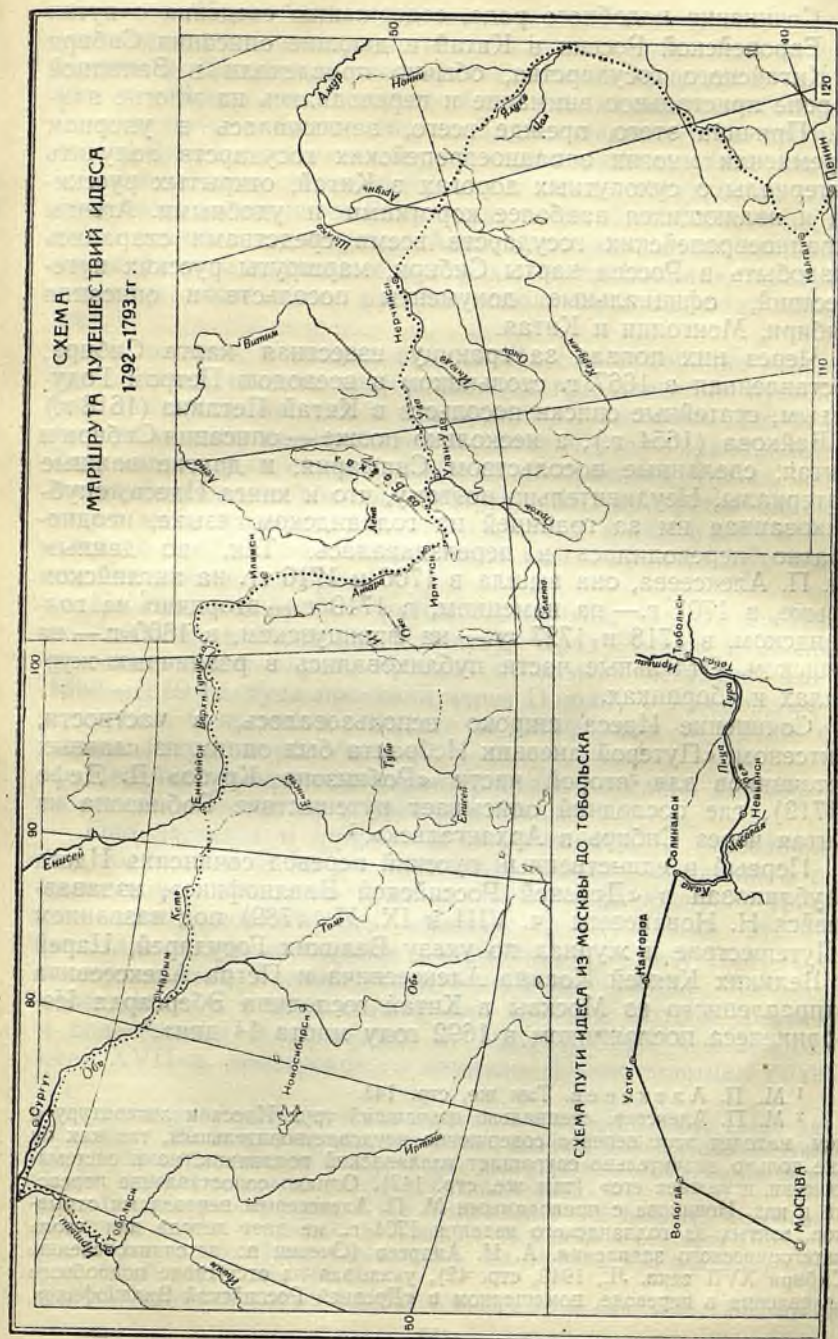
Посольство это в области дипломатических переговоров с китайским правительством почти ничего не добилося. Но в дороге его глава, по обычаю всех русских послов того времени, вел при содействии своих помощников путевой дневник, обработанный и изданный в извлечениях «... меньше чем через год по его возвращении в Москву, сначала в Германии, потом в Голландии».<sup>3</sup>

В 1697 г. отрывок из этого путешествия был напечатан Лейбницем. Наконец, в 1704 г. рукопись, отредактированная Витсенем, была опубликована на голландском языке в Амстердаме.

<sup>1</sup> Цитируемая книга М. П. Алексеева является в общем очень ценной работой благодаря богатству сообщаемого в ней и критически комментированного материала, взятого из множества недоступных или трудно доступных источников.

<sup>2</sup> Древняя Российская Вивлиофика, изд. Николаем Новиковым, ч. VIII. Изд. 2-е. М., 1789, стр. 466.

<sup>3</sup> М. П. Алексеев. Там же, стр. 140.



Фиг. 5.



Сочинения подобного рода, содержащие сведения о путях из Европейской России в Китай и дающие описания Сибири и Китайского государства, обычно привлекали в Западной Европе пристальное внимание и переводились на многие языки. Причина этого, прежде всего, заключалась в упорном стремлении многих западноевропейских государств получить материалы о сухопутных дорогах в Китай, открытых русскими и являющихся наиболее короткими и удобными. Агенты западноевропейских государств всеми средствами старались раздобыть в России карты Сибири, маршруты русских путешествий, официальные документы посольств и описания Сибири, Монголии и Китая.

Через них попала за границу известная карта Сибири, составленная в 1667 г. стольником и воеводою Петром Годуновым, статейные списки посольств в Китай Петлина (1618 г.) и Байкова (1654 г.), а несколько позже — описания Сибири и Китая, сделанные посольством Спафария, и другие важные материалы. Неудивительно поэтому, что и книга Идеса, огубликованная им за границей на голландском языке, неоднократно переводилась и переиздавалась. Так, по данным М. П. Алексеева, она вышла в 1706 и 1716 гг. на английском языке, в 1707 г. — на немецком, в 1710 г. — вторично на голландском, в 1718 и 1727 гг. — на французском, в 1800 г. — на чешском. Отдельные части публиковались в различных журналах и сборниках.

Сочинение Идеса широко использовалось, в частности, Витсенем. «Путевой дневник Исбранта был одним из главных источников для второй части «Робинзона Крузо» Д. Дефо (1719), где последний описывает путешествие Робинзона из Китая через Сибирь в Архангельск».<sup>1</sup>

Первый и единственный русский перевод сочинения Идеса опубликован в «Древней Российской Вивлиофике», издававшейся Н. Новиковым (ч. VIII и IX. М., 1789) под названием «Путешествие и журнал по указу Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича отправленного из Москвы в Китай господина Эбергарда Избраннедеса посланником в 1692 году марта 14 дня».<sup>2</sup>

<sup>1</sup> М. П. Алексеев. Там же, стр. 141.

<sup>2</sup> М. П. Алексеев, специально изучавший труд Идеса и литературу о нем, находит этот перевод совершенно неудовлетворительным, так как он «не только значительно сокращает голландский подлинник, но и систематически искажает его» (там же, стр. 142). Однако сопоставление перевода в изд. Новикова с приводимыми М. П. Алексеевым переводами отрывков, взятых из голландского издания 1704 г., не дает повода для столь категорического заявления. А. И. Андреев (Очерки по источниковедению Сибири XVII века. Л., 1949, стр. 42), указывая на отсутствие подробного оглавления в переводе, помещенном в «Древней Российской Вивлиофике»,



Книгу Идеса можно разделить на две основные и далеко не равные по качеству части: одна из них посвящена пути по России и сопровождается характеристикой природы и населения в районах, по которым пролегал маршрут посольства. Эта часть — наиболее ценная. Другая повествует о пребывании в Китае и дает некоторую характеристику этой страны. Она значительно менее интересна и сильно уступает по богатству содержания известному труду о Китае «Описание первыя части вселенныя именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями», представленному посольством русского посланника Николая Спафария.<sup>1</sup>

Изложение, в общем, ведется Идесом в порядке маршрута — способ, обычно применявшийся при описании путешествий как русскими, так и иностранными авторами. Но Идесу присуща одна, бросающаяся в глаза черта — самохвальство. Так, например, в самом начале он утверждает, что «... любопытен был видеть Сибирь и Китай, яко государства славные, токмо мало знаемые, в которых из иноземцев еще никто не бывал»<sup>2</sup> (разрядка моя.— Д. Л.). Это, конечно, совершенно неверно.

Не говоря о русских путешественниках, задолго до Идеса побывавших в Монголии и Китае, через Россию в Китай и раньше бывали случаи проезда отдельных иезуитов. Так, в 1658—1659 гг. туда проехали через Польшу и Московское государство 6 иезуитов.<sup>3</sup> Вместе со Спафарием в Китай был послан иезуит Вербиест.

Перейдем к краткой характеристике описания Идесом путешествия посольства в пределах России.

Оно касается и природных особенностей, и населения с его хозяйством и бытом. При этом, однако, сведения о растительном и животном мире не превышают обычного уровня, уже давно достигнутого многими аналогичными русскими работами и официальными документами. Новых географических открытий в сообщениях Идеса о природе России не содержится, и в этом смысле они не могут идти в сравнение с донесениями В. Атласова, а также русских «землепроходцев» XVII в. допетровского периода. Характеристики водных

и на некоторые пропуски, также считает, что «существенных среди них я не нашел». Во всяком случае, для наших целей, преследующих получение общего представления об особенностях книги Идеса, вполне можно использовать перевод «Древней Российской Вивлиофики».

<sup>1</sup> Посольство Спафария и его помощников — Венюкова, Фоворова и некоторых других — было в Пекине с 15 мая по 1 сентября 1675 г.

<sup>2</sup> Древняя Российская Вивлиофика, изд. Николаем Новиковым, ч. VIII. Изд. 2-е. М., 1789, стр. 361.

<sup>3</sup> Сибирские летописи. Изд. Археографич. комиссии. СПб., 1907, стр. 393.

путей, издавна занимавших очень заметное место в русских «статейных списках», «скасах», «отписках» и «рописях», даются Идесом обычно менее детально и точно,<sup>1</sup> чем в указанных источниках. Описания Байкала Идеса не могут идти ни в какое сравнение с описаниями Аввакума или Спафария.

Представление Идеса о возможностях плавания северным морским путем не соответствует действительности и значительно уступает комплексу сведений, имевшихся по этому вопросу в России того времени. Так, Идес, ссылаясь на Витсена, считал, что «... от Вейгац до святого Носу морем никаким образом ехать невозможно».<sup>2</sup> В другом месте он пишет: «... промежду устья реки Лены до устья реки Енисея проезду никакого нет и доныне, оным трактом никто, как сухим путем, так и водою не проезживал поныне, хотя до реки Тарзины доезжали».<sup>3</sup>

В переводе М. П. Алексеева<sup>4</sup> утверждение Идеса звучит не менее категорично: «Морское побережье от устья реки Лены до устья реки Енисея непроходимо. Ни один путешественник до сих пор не обошел его ни водой ни сушей».

Между тем русские «мореходцы» задолго до Идеса проходили весь этот участок морского пути. И вообще в России как в XVII в., так и в петровское время было весьма распространено мнение, вполне оправдавшееся впоследствии, о возможности хотя и с очень большим трудом, плавать северным морским путем не только вдоль побережий Сибири, но и в Китай и Индию.

Идес опубликовал свою работу в 1704 г., т. е. уже после путешествия на Камчатку В. Атласова и представления последним своего замечательного отчета. Но сведения о Камчатке, приводимые Идесом, чрезвычайно незначительны, отрывочны и неясны. Более интересны встречающиеся в некоторых местах соображения об орографии Урала и Сибири с Дальним Востоком. Но таких мест очень немного. Поэтому, не останавливаясь более на характеристике разделов книги Идеса, касающихся природы Европейской России и Сибири, отметим лишь два места.

При проезде по р. Кеть и далее сухим путем на восток к Енисею посланник получил очень интересные сведения о

<sup>1</sup> Так, например, Идес говорит об истоках Оби и Иртыша значительно менее правильно, чем Спафарий и его помощники. Сведения об Амуре, приведенные Спафарием в его известном «Сказании о великой реке Амуре», несравненно обширнее и разностороннее, чем сообщения Идеса.

<sup>2</sup> Древняя Российская Вивлиофика, изд. Николаем Новиковым, ч. VIII. Изд. 2-е. М., 1789, стр. 427. Вейгац — Вайгач.

<sup>3</sup> Там же, стр. 452. Тарзина, видимо, р. Пясина.

<sup>4</sup> М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей..., стр. 149.

находках мамонтовых останков: «... в горах, которые лежат к норд-осту от сей реки,<sup>1</sup> мамонтовые кости и зубы находятся также по берегам рек Енисея, Турухан, Мунгачей (?) и Лены и около Якуцкого до Студеного моря. Все сии реки идут чрез помянутые горы и когда тает лед ... что из тех гор превеликие куски земли отмывает и уносит, а как вода убудет, то те куски земли обсохнут и разинутца, в середине которых зубы мамантовые, а иногда и целые маманты лежат».<sup>2</sup>

Идесу рассказывали, что в мерзлой земле была найдена целая голова, «только де мясо то оной уже гнилое было и зубы в щеках так были подобно как у слона... а кость шейная еще и кровавая была».

Очень любопытно мнение об этих находках местных жителей: «Тамошний народ о таком звере разное имеет мнение, идолопоклонники якуты, тунгусы и остяки чают, что маманты живут под землею, откуда они никогда не выходят».<sup>3</sup>

Иногда при их переходах земля проваливается, «...отчего великие пропасти бывают... мамант того часу умрет, как свет увидит... однакож никто маманта не видит живого... Древние сибиряки и русские верят, что маманты и слоны одно, хотя зубы из мамантов больше нагнуты и против слоновых в щеках крепче». Не менее интересны и соображения местных людей, высказанные в связи с этим, о перемене климата: «до потопа, они говорят, места их якобы были теплые и слонов тамо имелось множество... кои со всеми прочими тварьми погибли... и в болотах остались... А после потопа климат у них переменялся и стало быть весьма холодно и оные болоты купно и с слонами замерзли».<sup>4</sup> Сам Идес не верил в живых мамонтов, находящихся под землей, а также сомневался и в возможности теплого климата в Сибири в прошлые эпохи.

Помимо этих рассказов, обращает на себя внимание упоминание Идеса о пещере около Иркутска, «... которая прежде сего огонь испускала, а ныне из оной токмо еще один дым

<sup>1</sup> Река Кеть.

<sup>2</sup> Древняя Российская Вивлиофика, стр. 396. Мы знаем теперь о многочисленных последующих находках в этих районах костей и целых замерзших трупов мамонта. В 1799 г. евенк Шумахов открыл у р. Лены прекрасно сохранившийся труп мамонта, мясом которого затем питались собаки, медведи и песцы (скелет его находится в Зоологическом музее Академии Наук). Находки эти продолжались и значительно позже, в XIX и XX вв. В 1846 г. из р. Индигирки был вытасчен хорошо сохранившийся труп мамонта. Обнаруженный в 1901 г. в вечной мерзлоте у Средне-Колымска почти неповрежденный труп мамонта, лишь местами в конце хобота и на голове обведенный зверями, был доставлен в Зоологический музей Академии Наук.

<sup>3</sup> Там же, стр. 397.

<sup>4</sup> Там же, стр. 397—398.

выходит... и почитай на всякую осень в тех краях земли трясение случается». <sup>1</sup> Идес считает, что здесь «какие-нибудь серные или иные легко обжигаемые жилы, которые выгорели». Упоминание об этой пещере мы можем встретить у многих авторов XVIII в., писавших об Иркутске.

Переходим теперь к характеристике этнографо-географических данных о населении Европейской России и Сибири, содержащихся в книге Идеса. В этой области его книга содержит много нового и ценного материала.

Проезжая вместе со своими сотрудниками через множество селений, встречаясь с обитающими в них или кочующими в окрестностях племенами, Идес внимательно записывал виденное и слышанное об их образе жизни, жилищах, хозяйстве, религии, обрядах и т. п. Сведения такого рода о «самоедах» (ненцах), вогулах (манси), татарах, осяках (хантах), калмыках, киргизах, тунгусах, бурятах, о народностях Дальнего Востока — даурах, коряках и некоторых других — встречаются во множестве по всей книге. Так, например, вогулам или, как их называет Идес, «вагульским татарам» он уделяет несколько страниц: «Вагуличи родом крепкие и главу имеют широкую», «вера их состоит в жертве».

Далее описываются религиозные обряды. Идес расспрашивал об основах их верований. Вогулы отвечали, «... что почитают солнце, месяц и звезды и понеже они на небе видны и земля от них светится, что же в прочем, что может быть бог тамо есть, который всем обладает, токмо они не видят, а про диавола не хотят слышать». <sup>2</sup> Что же касается христианства, то они желают жить и умереть в своей старой вере.

Далее описываются обряды погребения умерших, зарываемых в могилу «в лучшем ево наряде», купля невесты, брачные отношения, одежда, жилища: «... дворы они строят деревянные четырехугольные, почитай також, как и у русских, очаги у них каменные вместо печей». <sup>3</sup> Избы курные, сидят в них без стульев «по персицкому». Питаются тем, что ловят, «... а больше всего ходят на ловлю лосей... когда доволно наловят, то мясо изрубят в куски и вокруг двора своего повесят». Для ловли зверей у них имеются «... великие луки, которые они в лесу натянувши по земле ставят, а посредине лука имеется притрава, которая тайно к веревке привязана... сверх того они великие и глубокие ямы роют». <sup>4</sup>

«Барабинцы, калмыцкого народа, формируют особый штат, который к востоку от г. Тара до р. Оби супротив устья

<sup>1</sup> Там же, стр. 415.

<sup>2</sup> Там же, стр. 370.

<sup>3</sup> Там же, стр. 372.

<sup>4</sup> Там же, стр. 372—373.



р. Том (Томь — Д. Л.) и г. Томского распространяется». <sup>1</sup> Это — отважный народ, способный к войне, «а живут в деревянных низких шалашиках, как сибирские татары». Очень любят земледелие, засевая овес и ячмень. Ржи и ржаного хлеба не имеют. «Земля их ... ровная и кедрами и березами наполнена, а между прочим и еловый лес находится, подле которого множество больших рек текут». <sup>2</sup> В местности изобилует пушной зверь: соболи, куницы, белки, горностаи, волки, бобры и выдры.

Хорошо также описаны буряты, обитающие у Байкала. <sup>3</sup> Они не знают хлебопашества и огородничества, но обладают большими стадами рогатого скота. Живут в низких, сколоченных из дерева и покрытых дерном жилищах.

Картинно говорится об охотничьих облавах на оленей, диких коз и овец, в которых принимает участие до ста человек: «Когда они приезжают в то место, где они выслеживают дичь, разъезжаются они врозь по окрестности, чтобы удобнее настигнуть зверя и окружить его кольцом. Если они могут достать до него своими стрелами, то каждый стреляет из своего лука, так что редкий зверь остается в живых, потому что каждый стрелок может сделать тридцать выстрелов... случается при этом, что в суматохе попадают в лошадей и некоторых из них убивают». <sup>4</sup> Высокие и по-своему красивые буряты зимою носят длинные халаты из овечьего меха, подпоясанные шкурами, а летом — одежду из красного сукна.

Идес и здесь уделяет значительное место религии и связанным с ней обрядам. Описывает он и некоторые встреченные им русские поселения.

Во время своего путешествия он пользовался картой Витсена 1687 г., составленной на основании русских источников, внося в нее большие изменения. Идес пишет, что по пути он «принужден был помощью звезд восток сыскать и математическими инструментами величину полюса снять, по которой места сколь возможно было точно расположить тшился». <sup>5</sup>

К опубликованному Идесом описанию путешествия в Китай он приложил карту России и сопредельных с нею

<sup>1</sup> Там же, стр. 434.

<sup>2</sup> Там же, стр. 436.

<sup>3</sup> Этот отрывок приведен и М. П. Алексеевым в цитированной ранее его работе (Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, стр. 143—144).

<sup>4</sup> М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, ч. 2, 2-я половина XVII века. Иркутск, 1936, стр. 143.

<sup>5</sup> Древняя Российская Вивлиофика, стр. 421.

стран.<sup>1</sup> Оценка степени оригинальности этой карты вызывала у ученых большие разногласия. Витсен утверждал, что Идес по большей части использовал его карту. Из советских исследователей, занимавшихся этим вопросом, К. А. Салищев считал, что Идес лишь исправил карту Витсена.<sup>2</sup> А. И. Андреев, наоборот, подчеркивает, что даже беглое сличение этих двух карт обнаруживает весьма небольшое сходство между ними.<sup>3</sup> Ф. А. Шибанов, детально проанализировавший содержание карт Витсена и Идеса, также считает карту Идеса совершенно оригинальной. По форме гидрографической сети и по изображению береговой линии эти две карты не имеют ничего общего. Масштаб карты Идеса, примерно, в четыре раза мельче. Карта Витсена охватывает только территорию Сибири и часть Европейской России, а Идеса — всю Россию и почти весь азиатский материк: Сибирь, Китай, почти всю Индию, Персию, всю Малую Азию и восточную часть Средиземного моря. Проекция карт разные.<sup>4</sup> На значительно меньшее число ошибок в карте Идеса, сравнительно с массой нелепостей, встречающихся у Витсена, указывают как А. И. Андреев, так и Ф. А. Шибанов. Мнение этих двух авторов об оригинальности карты Идеса надо признать безусловно правильным.

Это, конечно, не исключает того положения, что Идес при составлении своей карты широко использовал не только личные наблюдения, но и многие русские источники и чертежи. Ф. А. Шибанов указывает, между прочим, на полное сходство западной части карты Идеса с картой, составленной Ф. А. Шибановым по географическим сведениям «Книги Большого Чертежа».

Разделы книги, посвященные путешествию по Китаю, прибавили к географическим сведениям, имевшимся у русских об этом государстве, мало существенно нового. Перечисляя пройденные по маршруту местности, Идес дает их беглую внешнюю природную характеристику. Примером могут служить следующие строки о р. Ял: «... берега по сей реке раю подобны, ибо со всех мест поля, и луга, и кусты, из которых множество маленьких речек происходит, в которых вода серебру подобна и от тех мест расстоянием на версту горы цветами

<sup>1</sup> Карта Идеса воспроизведена В. Кордтом в его труде «Материалы для истории русской картографии», 2-я серия, вып. 1. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906, табл. XXVI.

<sup>2</sup> К. А. Салищев. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М., 1948, стр. 134 и 137.

<sup>3</sup> А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII века. Л., 1940, стр. 43.

<sup>4</sup> Ф. А. Шибанов. О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII века. Ленинградский Гос. университет им. А. А. Жданова. Ученые записки. Серия географ. наук, вып. 5, 1949, стр. 297—298.

и травами украшенные и сверх той красоты множество диких зверей». <sup>1</sup> У слияния р. Ял с р. Нонни видели три озера с водой, белой, как молоко, и негодной для употребления. Бегло упоминаются встреченные породы деревьев и животных.

Гораздо более внимания уделяется описанию населенных пунктов с их зданиями, укреплениями, каменными башнями и т. п. На Идеса, как и ранее на Байкова и Спафария, большое впечатление произвели китайские благоустроенные дороги, например: «дороги везде широкие, прямые и с великим завсегда попечением в хорошем состоянии содержатся». <sup>2</sup> Специальные люди, состоящие на жалованье, смотрят за ними, так что «... и камня никакого (какой бы.— Д. Л.) малой он ни был на дороге не увидишь; в деревьях, которые по дороге лежат, завсегда ведро с водой держат, дабы путешествующие верблюды свои и ослы из оных напоить могли; и по дорогам такая беспрестанная езда, что кажется яко бы не на поле обретаются». <sup>3</sup> Идес видел «славную китайскую стену» и дал довольно подробное описание ее, конкретно определяя ширину, высоту, характер строительного материала и т. п.

Сведения о хозяйстве китайцев являются одними из основных. Указываются занятия земледелием, животноводством и, особенно, торговлей. Последний вопрос, как мы знаем, и раньше привлекал исключительное внимание русских послов. Отмечается специализация рынков в Пекине. На одном торгуют только живой рыбой в чанах: угрями, сазанами, а также раками, водяными змеями. На другом — «дичину и диких зверей продают: оленей, зайцев, фазанов, рябчиков, тетеревов».

Довольно много сведений этнографического характера, о религии населения, костюмах, способах передвижения по улицам. Но главное внимание уделено описанию аудиенций, церемониям, обедам, особенностям китайской кухни, а также и развлечениям. VII глава так и называется «О состоянии и обычаях китайского дворца...» Небезынтересно отметить, что Идес касается и вопросов китайского искусства — театра. Сообщая о виденных им представлениях, он старается рассказать их содержание: в комедии ее герои «предъявили триумф китайского эроса». Много говорится о диковинках, богатстве и роскоши дворцов богдыхана.

В труде Идеса отсутствуют систематические региональные описания отдельных провинций Китая, которые представляют

<sup>1</sup> Древняя Российская Вивлиофика, стр. 438.

<sup>2</sup> Там же, стр. 447.

<sup>3</sup> Там же, стр. 467.

такую большую ценность в «Описании первая части вселенной...», представленном Спафарием.<sup>1</sup>

Посольство С. В. Рагузинского, которое, как указывалось выше, было отправлено вскоре после смерти Петра I, может считаться последним, непосредственно примыкающим по времени к его царствованию. В донесениях С. В. Рагузинского содержатся интересные для истории географии данные.

В секретной информации о Китайском государстве<sup>2</sup> С. В. Рагузинский приводит подробные сведения о путях в Китай, указывая цифры географической широты многих из китайских городов, встреченных по пути посольства. О самом Китае сообщаются также разнообразные данные: образ правления государства, «какого чина люди в почтении суть между китайцами», торговые связи с азиатскими странами — Японией, Сиамом, Индией — и с европейскими государствами. Главы IX, X, XI донесения говорят о природных условиях пограничных районов «между Российским государством и китайскими подданными мунгалы и дауры», «О жителях российских подданных, какие суть при границах и колкое число может против неприятеля на поле стать», «О землях, где можно при сущей границе Российского империя и колкое число крестьянских дворов поселить».

Как видно из самих заглавий, эти пограничные местности рассматриваются с точки зрения военных потребностей России. И, действительно, описание носит характер военной географии, что и представляется ценным отметить при рассмотрении истории русской географической мысли.

<sup>1</sup> Н. Г. Спафарий. Описание первая части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910.

<sup>2</sup> Секретная информация о Китайском государстве Графа С. В. Рагузинского, 1731. — Русский Вестник, 1842, № 2—3.



## ВАЖНЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ НА КАВКАЗ И В ПЕРСИЮ

Помимо описанных выше экспедиций, походов, торговых и дипломатических поездок, осуществляемых в Сибири, Средней Азии, Джунгарии и Китае, пристальное внимание в петровское время привлекали также районы Кавказа и Персии.

Интересы торговли, о которых указывалось в общем обзоре, борьба с Турцией, подготовка войны с Персией, стремление упрочить положение России в этом районе, завершившееся после персидского похода подчинением в 1723 г. западных и южных побережий Каспия, чрезвычайно важных в экономическом и стратегическом отношениях, — все это заставляло Петра I неоднократно посылать отдельных лиц для изучения Северного Кавказа и Закавказья.

Занимались тем же и дипломаты, командируемые в Турцию и Персию и проезжавшие по этим территориям. М. А. Полиевктов в своей работе, специально посвященной европейским путешественникам по Кавказу,<sup>1</sup> перечисляет следующих лиц, посылавшихся Петром I и так или иначе сообщавших интересующие нас в данном случае сведения:

Волынский . . . . .	1715—1718 гг.
Белл . . . . .	1715—1718 и 1722 гг.
Соймонов . . . . .	1719—1727 гг.
Шобер . . . . .	1717—1722 гг.
Кантемир . . . . .	1722 г.
Гербер . . . . .	1722—1729 гг.
Яковлев . . . . .	1723 г.
Буксбаум . . . . .	1725—1726 гг.

Артеми́й Петро́вич Во́лынский, о поездке которого уже упоминалось в связи с вопросом о среднеазиатских путях в

<sup>1</sup> М. А. Полиевктов. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

Индию, был в 1715 г. отправлен в Персию для заключения торгового договора. Выехав из Астрахани в 1716 г. морем, он прибыл 28 августа в Дербент, а 30 августа — в Низабад. Дальнейший путь его пролегал по суше через Шемаху — Мугань — Тебриз — Мианэ — Зенджан — Султанье — Саве — Кум — Кашан — Исфаган, куда посольство приехало 14 марта 1717 г. и оставалось там до 1 сентября 1717 г. Обратный путь шел от Исфагана через Казвин — Решт — Кескер — Ленкорань — Мугань — Шемаху. В последней А. П. Волинский пробыл с 12 декабря 1717 г. до 16 июня 1718 г. Отсюда он отправился в Низабад и морем 18 августа 1718 г. вернулся в Астрахань<sup>1</sup> (см. фиг. 4).

А. П. Волинский составил подробное и весьма обстоятельное описание северных районов Персии, открывающее собою «...серию тех русских прикаспийских описаний и изысканий первой половины XVIII в., которые тесно связываются с захватом в двадцатых годах этого века Россией Прикаспийских областей Кавказа».<sup>2</sup>

Остановимся несколько подробнее на этом описании, содержащем интереснейшие сведения об экономическом и политическом состоянии Ирана перед афганским нашествием, о русской торговле, а также об отдельных провинциях этой страны. Характеристики последних близко подходят к экономико-географическим и политико-географическим.<sup>3</sup>

А. П. Волинский дает некоторые общие сведения о Персии, отмечая ее крайне тяжелое экономическое и политическое состояние: «со всего государства не имеют доходов, разве 6 миллионов и то с нуждою». Уделяется, как обычно, большое внимание торговле с Персией, говорится о португальских, английских и голландских компаниях. Последние «от компании Батавской так умножили свои ныне в Персии торги, что уже большая часть обращается товаров чрез их руки».

Особо отмечается торговля шелком: голландцы шелксырец посылают к себе на родину через Алеппо и Смирну. Выполняя приказ Петра I о выяснении торговых отношений с Индией, Волинский говорит об оживленных связях с ней: «также в Персии великое купечество Индияне имеют и зело их в Персии многолюдно». Приводится ассортимент товаров, которые хорошо получать из Персии: шелк, хлопчатобумаж-

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Там же, стр. 33.

<sup>3</sup> Описание А. П. Волинским Персии приведено кратко у М. А. Полевктова и более подробно в работе Е. Зевакиной «Азербайджан в начале XVIII в.». Изд. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. № 8, вып. 4. Баку, 1929.

ные ткани, парчу, кофе, пшено, фрукты, «также и некоторые специи» (пряности), а посылать туда сукна, голландские штофы, иглы, бумагу писчую, кожи, меха, кораллы (т. е. кораллы), медь, янтарь, олово, свинец. Словом, обычный круг вопросов о товарообороте, всегда выясняемых при сношениях с заграницей.

Посол подчеркивает падение авторитета власти шаха, говоря, что «народ персидский особливо гордой и зело своеволен и страха от государя своего никакого не имеет... и только что почитают яко государя и повелителя, а мало слушают».

Как всегда в описаниях дипломатов, очень скудны сведения о природе страны: «...внутри Персии великие горы и зело сухие места, которые токмо камнем и песками наполнены, где жители большей частью довольствуются привозным, а не своим хлебом, также и воду с великою нужею инде имеют и многие и такие я места видел, где не токмо могла бы земля издавать хлеб, но ни лесов, ни травы не родит».<sup>1</sup> Все же в этой краткой характеристике отмечены некоторые главные особенности Ирана — гористый рельеф, обилие засушливых мест, недостаток в них зерновых продуктов. Описания отдельных провинций, особенно прилегающих к русским владениям, гораздо содержательнее.

«Во всей Персии почитаю я, — доносит Волинский, — лутчие провинции начав от границы Турецкой — Эривань и Тевриз». Описываются «провинции»: Ширван, Гилян, Мугань, отдельные города: Шемаха, Агарь, Тебриз, Исфаган, Фарабад, Казвин, Ленкорань, Бака (Баку), Дербент и др.

Говоря об отдельных провинциях, посол отмечает их географическое положение и размеры, например, Ширван «по длине около 200 верст и поперег от Каспия до Шемахи и Кумы, и Муганской степи верст полтора», сведения об укрепленных пунктах и войсках. Сообщаются основные особенности природы, имеющие значение для хозяйства, и главные черты этого последнего: в Ширвани природа благоприятна, хотя есть горы и бестравные места, но и жилых немало «и многолюдно и во всем довольство имеют, понеже земля плодородна и множество родитца хлеба... виноградов и протчих изрядных фруктов, каких я и в турецкой области не видал... к тому же зело много диких изрядных зверей и птиц, также и скотом довольны и рыбами, а особливо лучший интерес их шолк». В Гиляни, напротив, «как грады, так и протчее поселение в великих лесах и в болотах, где ни малых поль нет, токмо болота непроходимые и леса». Питание у них скудное: пшено, гнилое мясо, фрукты, но места очень удобные для

<sup>1</sup> Е. Зевакина. Азербайджан в начале XVIII в., стр. 11.

шелководства, где «зело оногo родитца много» и дохода с него до 900 тыс. рублей. Там же отмечается «особливый род» пшена (т. е. проса), более сродного «индейскому» (индийскому), нежели персидскому, и говорится, что оно было привезено из Индии «во время великого шаха Аббаса».

В отдельных городах обычно указывается число строений и род их (каменные и «земельные»), иногда полезные ископаемые, находящиеся в окрестностях. Так, «от Тавриза (Тебриз.—Д. Л.) расстоянием три дни есть некоторое болото и ржавчина, где родитца мрамор». Зная интерес Петра I к «диковинкам», посол не забыл сообщить, что в одном болоте была найдена окаменелая ящерица величиною с лишком с фут. Обычны упоминания о дорогах и о торговых операциях.

Сопровождавший А. П. Волынского Белл, шотландский врач, служивший с 1714 г. в России, оставил ценные описания своего путешествия по Ирану, являющиеся существенным дополнением к сообщениям Волынского. Они более подробны, интересно написаны, несколько более систематичны, но в смысле глубины проникновения в жизнь чуждой страны не превышают сообщений самого посла.<sup>1</sup>

Из других перечисленных в начале этого раздела путешествий по Кавказу упомянем кратко о Гербере, Шобере и Буксбауме.

Гербер вступил на русскую службу в 1710 г., был в персидском походе Петра I 1722 г. и оставался в районах Кавказа до 1729 г. Г. Ф. Миллер перевел и издал «Известие о находящихся в западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году, сочиненное полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером»,<sup>2</sup> содержащее сведения главным образом о прикаспийских областях Кавказа; Гербер дает описание Дагестана, нескольких районов Грузии и Азербайджана — Ширвана, включающего «уезды»: Дербент, Мушкуру, Низабат, Шибран, Шемаху, Баку и некоторые другие.

Сочинение Гербера последовательно, область за областью, повествует об указанных выше территориях и их географическом положении. Много внимания уделяется этнографическим сведениям об отдельных народностях Кавказа, истории края, политическим моментам: образу правления, взаимоотношениям с Персией и между собою отдельных феодалов,

<sup>1</sup> Имеется русский перевод «Белевы путешествия чрез Россию и в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь, перевел с французского Михайло Попов», ч. I—III. СПб., 1776.

<sup>2</sup> Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1760, стр. 3—48.



войнам в их историческом аспекте, а затем хозяйству, в особенности многочисленным ремеслам, сельскому хозяйству, торговле. Как обычно, много говорится о населенных пунктах. Гораздо меньше места отведено природе, хотя Гербер отмечает некоторые ее особенности, в частности нефтяные месторождения.

Характер изложения, широта охвата отдельных явлений социальной жизни, исторический аспект — все это выделяет сочинение Гербера и делает его настоящим историко-географическим и этнографическим исследованием, более ценным и научным, чем допетровские описания Кавказа. Оно опирается во многом на личные наблюдения, подкрепленные расспросами и знакомством с литературой.

Так, например, говоря о Дагестане, Гербер указывает на наличие старинной торговли с Генуей и греками, которые «...в тамошних горах учредили рудокopные заводы, откуда много доставали серебра, меди и других металлов. При сих рудокopных заводах имели они фабрики, и из тех металлов делали изрядную работу и для того послали туда работников, которые из тамошних жителей многих на свою сторону склонили и выучили».<sup>1</sup>

Для примера того, как описываются отдельные «провинции», приведем характеристику Баку с окрестностями (сокращая изложение, но по возможности близко придерживаясь подлинного стиля текста).

«Баку стоит близ моря, а понеже там берег отлогий, то городские стены вдались в самое море. Оной город посредственной величины, но крепок и всегда имел над собою султана, подчиненного Шамахийскому хану по некоторым договорам.

Сей уезд граничит к северу с Бармацкими горами, к западу с Шамахийским уездом и хребтом Дубраром, к югу с сухою и пустою степью до Саллиана и р. Куры. Сия страна не очень многолюдна потому, что земля весьма тверда и недостаточна водою. Жители города по большей части ранее были кизилбаши или персидские солдаты и получали жалованье. Напротив того, уездные жители питаются от земледельства и скотоводства и держат притом много верблюдов, на которых они промeж Шемахою и Баку возят купеческие товары и нефть. В городе говорят турецким, татарским и персидским языком, а в уезде турецким и татарским».

Далее описываются различные военные события и завоевания, а затем — экономика с элементами техники производства: «Доходы с сей землицы бывают от соли и нефти. Соль

<sup>1</sup> Там же, стр. 46.

берут из находящихся недалеко от Баку соляных озер, в которых она садится от солнечного жару и так оную вынявши только сушат. Нефть разводится по всей Персии и жгут оную вместо масла в лампадах. Для отвезения ее приходится отправлять не только сухим путем великие караваны, но и водою многие персидские маленькие суда — киршими и большие — сандалы. Нефть продают за наличные деньги или меняют на товары, так что оных доходов ежегодно собирается до 50 000 рублей. Ключи нефтяные отстоят от города почти на полдня езды. Из одних течет всегда белая, а из других черная нефть.

Неподалеку от Баку есть место, которое непрестанно горит, потому что земля завсегда нефтию напивается. Жителям сей огонь весьма полезен для жжения извести, потому что там великая нужда в дровах, так что и на два дни езды нигде не находится ни прутика.

Гербер останавливается и на способе изготовления извести: бросают на землю камни, покрывают землю и через два дня камни выгорают и превращаются в хорошую известь. Живут тут люди со своими семьями, определенные к нефтяным ключам. «Ежели они пожелают, чтобы к вечеру был свет, то вырывают они в каком месте захотят небольшую ямку, втыкают трубку длиною в фут или несколько больше в землю и держат огонь над трубкою, отчего немедленно загорается выходящей пар подобно свече, без повреждения трубки, а горит до тех пор, пока оной не погасят или пока не выдернут трубки». Так картинно охарактеризован нефтеносный район Баку с выходами горящих газов на поверхность и окружающими его сухими полупустынными землями.

Хорошо дано внешнее описание лежащего в Дагестане в 5 верстах от моря населенного пункта Торху с его «несколько непорядочно» построенными улицами, плоскими крышами на домах, по примеру восточных народов, и каналами, «которые вода из находящихся на верхних горах ключей сперва в Шамахалю дворец, а оттуда во все дворы и конюшни протекает и наполняет некоторые пруды во дворах и покоях... а наконец по всему городу и по всем дворам разливается».

Скажем еще несколько слов о путешествиях Шобера и Буксбаума.

Шобер, переселившийся в Россию в 1713 г., был лейб-медиком Петра I и в 1717 г. отправился по его повелению на Терек обследовать минеральные источники в предкавказских территориях, принадлежавших России. Он изучил их в уезде Терки и по рекам Тенги и Сулаку. Шобер собрал ценные сведения по естественным богатствам Северного Кавказа,

а также по ботанике, этнография, географии и отчасти истории.<sup>1</sup>

Буксбаум — ботаник, впоследствии академик Российской Академии Наук, поехал доктором при посольстве А. И. Румянцева в 1724 г. в Константинополь. Инструкция, данная ему, вменяла в обязанность «...преимущественно делать тщательные разыскания в трех царствах природы и присылать сюда или привести с собою все, что может быть сохранено или описано, или сбережено в спирте, если представится к тому случай или время».<sup>2</sup> В особенности он должен был исследовать лекарственные растения, их местонахождение — для снабжения в дальнейшем императорской аптеки.

Буксбаум имел определенное задание и собрал богатые коллекции по минералам, флоре и фауне. Деятельность его как ботаника имела очень большое значение в истории исследований природы Кавказа. Он является одним из основоположников в деле изучения кавказской флоры.

---

<sup>1</sup> На русский язык переведена только незначительная часть трудов Шобера, а именно «Описание серного ключа у пригорода Сергиевского, при реке Соке, сочиненное доктором Готлибом Шобером». — Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1760, раздел 5.

<sup>2</sup> П. Пекарский. История имп. Академии Наук в Петербурге, т. I, СПб., 1870, стр. 236.

## ВАЖНЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ

В XVII в., еще до Петра I, в Западную Европу отправлялось много официальных лиц с самым различными дипломатическими целями. При Петре I дипломатические связи русских со многими западноевропейскими государствами резко возросли.

Учреждались постоянные представительства России за границей. С отдельными поручениями посылались специальные послы. Некоторые посольства приобретали характер целых экспедиций, с многочисленным и разнообразным персоналом участников. Таковым явилось известное «Великое посольство» 1697—1698 гг.—первое заграничное путешествие Петра I, участвовавшего в одном из отрядов посольства под именем Петра Михайлова. Включая различных должностных лиц, их прислугу, караул и т. п., «...посольство должно было, таким образом, отправиться в составе около 250 человек».<sup>1</sup>

Помимо поездок, преследующих исключительно или преимущественно политические или торговые цели, в Западную Европу посылались лица специально для обучения (в XVII в. до Петра I командировок с подобными целями не было). Но лишь немногие путешествия описывались и потом печатались как литературные произведения.

Рассмотрение их, равно как и официальных отчетов русских дипломатов, командируемых в Западную Европу, представляет для географической науки, конечно, несравненно меньший интерес, чем охарактеризованные ранее поездки в восточные страны. Отметим лишь, что многочисленные путешествия на запад, бесспорно, сильно содействовали расширению географического кругозора их участников и распространению соответствующих географических сведений среди образованных людей петровского времени.

<sup>1</sup> М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. 2. Первое заграничное путешествие, ч. 1 и 2. М., 1941, стр. 13.



Однако имеется несколько описаний поездок в западноевропейские страны, мимо которых пройти нельзя. Анализ этих описаний, хотя бы краткий, даст возможность определить, как изменился уровень и характер подобного рода работ сравнительно с допетровским временем.

К числу таких поездок, безусловно, относятся путешествия: Толстого, Шереметева, «Неизвестного», Матвеева и Куракина. Все они, кроме последних двух, побывали за границей почти в одно и то же время — в 1697—1699 гг., т. е. в самом начале петровских реформ. Все же в их трудах, наряду со многими чертами, роднящими их с описаниями поездок на запад до Петра I, имеется ряд новых, заслуживающих быть отмеченными. Наиболее дореформенный характер носит сочинение Толстого; более всего соответствует петровскому времени сочинение Куракина. О последнем в дальнейшем будет сказано особо.

Стольник П. А. Толстой, умный и хитрый вельможа, выехал из Москвы 26 февраля 1697 г. в возрасте 52 лет, в числе 37 лиц, принадлежащих к знатнейшим фамилиям. Толстой был послан как «дворянин без прозвания, для того, чтоб в иноземных краях подлинно не ведали, какого чина и каких пород для той вышеписанной науки в их государства посланы». <sup>1</sup> П. А. Толстой посетил Польшу, Австрию и некоторые другие страны Западной Европы. Особенно много он путешествовал по Италии: был в Венеции, Болонье, Вероне, Милане, Неаполе, Риме и в других городах. Посетил несколько пунктов Далмации, ездил морем в Сицилию и на Мальту и т. п. 27 января 1699 г. «приехал в третьем часу ночи в царствующий град Москву, в дом свой в добром здравье».

Б. П. Шереметев, один из знатнейших вельмож России, формально путешествовал под видом частного лица. В грамоте, данной Петром I, сказано: «...по нашему царского величества указу отпущен ближней наш боярин и наместник вятской Борис Петрович Шереметев, по его охоте по Италию, в Рим и в Венецию, для видения тамошних стран и государств». <sup>2</sup> Фактически, по исследованию Брикнера,

<sup>1</sup> Путешествие стольника П. А. Толстого 1697—1699. — Русский архив, 1888, № 2, стр. 161—162. Из этого издания рукописи Толстого и заимствованы дальнейшие сведения о его путешествии. Основной целью (засекреченной, как видно из изложенного выше) являлось ознакомление с военным делом, в особенности с морским. Но, вероятно, Толстой должен был дать и широкую информацию о посещенных им странах.

<sup>2</sup> Путешествие Шереметева, лично им описанное, опубликовано в «Древней Российской Вивлиофике, изд. Николаем Новиковым», ч. V (изд. 2-е, М., 1788, стр. 252—432) под названием «Статейной список ближнего боярина и Наместника Вятского Бориса Петровича Шереметева в Кра-

Б. П. Шереметев являлся посланником Петра I, в частности к мальтийскому «Великому Магистру ордена».<sup>1</sup>

И, действительно, при чтении записок этого путешественника, поехавшего, по его словам, ради «видения окрестных стран и государств», мы узнаем, например, что Б. П. Шереметев держал речь к польскому королю, а отвечал ему на нее канцлер. В Риме он имел аудиенцию у папы, на Мальте — у «Великого Магистра ордена». Таких примеров можно привести не один. В Кракове он послал гетману Литовскому «...в дарах двенадцать возников пегих, ценою в полтораста рублей, две пары соболей — пятьдесят рублей; саксонскому действительному тайному советнику — 2 пары соболей» и т. д.<sup>2</sup>

Выехав из Москвы 22 июня 1697 г., Б. П. Шереметев проехал через многие города и местечки Западной Европы. Но главной целью его путешествия являлась Италия (он посетил Венецию, Рим, Неаполь, Флоренцию и другие города) и Мальта. Так же как и П. А. Толстой, он был и в Сицилии. 10 февраля 1699 г. Шереметев возвратился в Москву.

А. А. Матвеев возглавлял в 1705 г. русское посольство в Париж, выехавшее из Голландии 5 сентября 1705 г. Как правильно указывает П. П. Пекарский, опубликовавший выборки из его чернового статейного списка, «...в рукописи Матвеева именно и любопытны эти оттенки то нового, то старого».<sup>3</sup>

Записки путешествия «Неизвестного» были опубликованы в нескольких сборниках XVIII в. Переиздавались они и в XIX в. Особый интерес к ним был вызван отчасти потому, что некоторые издатели и исследователи соответствующих документов считали автором его самого Петра I. Но этого не могло быть.

Необходимо кратко остановиться на этом вопросе ввиду того, что решение его в положительном смысле дало бы материал для характеристики личности Петра I как географа.

Повидимому, впервые «Записки» были изданы в весьма ограниченном количестве экземпляров в 1788 г. Платоном Бекетовым под заглавием «Записная книжка любопытных замечаний Великой Особы, странствовавшей под именем дворянина Российского посольства в 1697 и 1698 г.» (СПб., 1788). Автор, как видим, не назван. В дальнейшем, при пере-

ков, Венецию, Рим и Мальту в 7205 (1697) годе». Это издание и использовано в настоящей работе.

<sup>1</sup> А. Г. Брикнер. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии. — Русский Вестник, 1877, т. 128, стр. 33.

<sup>2</sup> Статейный список... Шереметева... — Древняя Российская Вивлиофика, стр. 15. Пегие возники — упряжные лошади.

<sup>3</sup> П. Пекарский. Поездка графа Матвеева в Париж в 1705 г. — Современник, 1856, т. 57, № 5—6, стр. 39—66, отд. 2.

издании записок в XIX в., появилась версия о принадлежности их Петру I.

В «Отечественных записках» (издаваемых П. Свиным) за июль — август 1830 г. в № 123—124 появились «Путевые записки, веденные самим государем Петром Великим, во время путешествия своего в 1697 и 1698 годах, по чужим краям, под именем дворянина российского посольства». Издатель указывает (стр. 31), что рукопись, с которой произведена публикация, была получена им от екатеринославского епископа Гавриила и при сличении с изданием 1788 г. Бекетова оказалась имеющей «весьма много лишних подробностей». Никаких доказательств принадлежности «записок» Петру I не приводится, несмотря на категоричность заглавия.

Повидимому несколькими месяцами позже, в «Московском Вестнике» Н. Погодина (ч. 6, М., 1831) был опубликован «Журнал, веденный одним из чиновников посольства, отправленного императором Петром Великим к разным европейским государствам». Издатель указывает, что он «получил сей любопытный памятник Петрова времени от А. М. Языкова в списке с другого списка, хранящегося в фамильном архиве г-д Кикиных» (стр. 83). Как видно из заглавия, Погодин не считал возможным приписать эту рукопись лично Петру I. Через несколько лет «Отечественные записки» (издаваемые уже А. Краевским, 1846, № 8, стр. 126—156) поместили «Материалы для истории Петра Великого», сообщенные Вл. К-вым. Они представляют собою публикацию найденного Вл. К-вым в своей библиотеке старинного рукописного путевого журнала под заглавием: «Журнал како шествие было его величества государя Петра Великого. Писан в сей книжице 1724 году, на память будущих родов от ныне и до веку».

В своих комментариях Вл. К-в подходит к вопросу об авторстве Петра I осторожно и настаивает лишь на том, что «начало его можно приписать самому императору, потому что в нем несколько раз говорится о Петре в первом лице, а именно в таких случаях, где, судя по «Деяниям», составленным Голиковым, действующим лицом был сам государь». К-в вполне справедливо указывает далее, что Петр I в Италии не был.

Наконец, в журнале «Русская Старина» за 1879 г. (т. XXV, май) И. Ф. Горбуновым был опубликован «Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697—1699 гг., веденный состоящим при великом посольстве русском к владениям разных стран Европы». Преимуществом этого издания, в основе которого лежит текст одной из рукописей первой половины XVIII в., является то, что Горбуновым проведена выверка сильно искаженных названий географических пунктов.

Наряду с ними проставлены правильные латинские наименования. Это дает возможность точнее установить маршрут путешествия. Текст, по существу, очень близок к опубликованным ранее, но в нем исправлены некоторые отдельные места, мало понятные из-за искажений. Горбунов также отвергает авторство Петра I.

В настоящее время это общеизвестно (достаточно вспомнить хотя бы документальное исследование М. М. Богословского, в котором даны подробнейшие маршруты: «Петр I. Материалы для биографии», т. II, Первое заграничное путешествие, ч. I и II. Огиз, 1941).

Таким образом, в крайнем случае, речь может идти об авторстве Петра I лишь в той части записок, которые касаются путешествия по странам, действительно им посещенным. Однако произведенное нами детальное сопоставление дат посещения отдельных мест и других фактов, касающихся путешествия, приведенных в указанных выше изданиях, с тем, что мы знаем ныне о поездке Петра I за границу в 1697—1698 гг., дает возможность полностью отвергнуть авторство Петра I.

Днем выезда «Высокой Особы» из Москвы в опубликованных изданиях его путешествия считается 11 мая 1697 г. (кроме «журнала», представленного Вл. К-вым, где, видимо из-за опечатки, указано 1 мая).

Основные пункты начала путешествия до Амстердама сходятся по всем этим источникам: Москва — Клин — Тверь — Торжок — Новгород — Нарва. Из Нарвы морем в Любек. Из Любека в Гамбург. Оттуда сухим путем — Гронинген — Леоварден. Наконец, через Гаарлем «Высокая Особа» прибыла в Амстердам — по одним данным 1-го, а по другим 11 июля.

1 апреля 1798 г. путешественник уже отправился в Италию.

Между тем, по исследованию М. М. Богословского, Петр I выехал из Москвы 10 марта 1697 г. Начиная с Новгорода, его маршрут резко расходится с приведенным выше. 31 марта Петр I был в Риге, оттуда сухим путем достиг Митава и Либавы. Из Либавы — морем в Кенигсберг — Пилау — Кольберг. Далее сухим путем через Германию. 19 июля Петр I со спутниками ночевал под Берлином. В Амстердам прибыл лишь 16 августа 1697 г. Различные мелкие факты — встречи, ужины и т. п. — также резко не совпадают с данными М. М. Богословского.

Кроме фактических расхождений, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в «Записках» не нашел своего отражения тот интерес, который Петр I проявлял к технике, в особенности к кораблестроению. Рассматриваемые нами



записки основное внимание уделяют описанию внешнего вида городов, зданий, заграничному быту, обедам, приемам и т. п. Не говорится даже о верфях в Голландии или корабельном деле в этой стране.

Установить фамилию автора, повидимому, в настоящее время невозможно и поэтому наиболее правильно условно называть его «Неизвестным». Однако, судя по всему содержанию записок, он, безусловно, некоторое время находился в числе ближайших соратников Петра I по посольству 1697—1698 гг.

Затем, по не дошедшим до нас причинам, «Неизвестный» направился через Кельн — Штутгарт — Инсбрук в Италию в качестве частного лица. Он посетил там множество городов: Венецию, Верону, Болонью, Флоренцию, Рим (где, между прочим, это «частное лицо» по приказу папы два раза в день навещал римский «боярин»), Ливорно, Геную, Милан и другие. Обратный путь его лежал через южную Германию в Голландию. В Амстердам он вернулся в ноябре 1698 г. и отсюда 3 января 1699 г. проехал через Гамбург и Бремен в Берлин, а затем на Данциг, Кролевец и Ригу. Этим и кончаются путевые записки «Неизвестного».

Произведениям указанных выше четырех лиц (Толстого, Шереметева, Матвеева, «Неизвестного») присущи общие черты, несмотря на значительные индивидуальные особенности их авторов.<sup>1</sup> Предметом настоящего рассмотрения является анализ характера встречающихся в них географических сведений. Все работы написаны образным, четким и точным языком. В этом отношении они продолжают традицию, свойственную статейным спискам и другим официальным документам допетровского времени. Точно так же в них детально указаны маршруты путешествий (кое-где приводятся расстояния в верстах) с перечислением виденных по пути населенных пунктов, пашен, стад скота и т. п.

Иногда эти описания дают достаточно образное представление о культурном ландшафте местностей.<sup>2</sup> Преобладающее

<sup>1</sup> В дальнейшем изложении при цитатах приводятся лишь фамилии путешественников, которые и могут служить указанием на отмеченные выше публикации, относящиеся к каждому из них: «Русский Архив» для Толстого, «Древняя Российская Вивлиофика» для Шереметева, «Современник» для Матвеева.

<sup>2</sup> Так, например, последние 15 миль, которые П. А. Толстой проехал перед Флоренцией, охарактеризованы следующими словами: «...по той дороге все каменные горы, по которым горам и между гор много сел великих и людных, в которых все строение каменное. По тем же горам и промеж гор много пашни под пшеницы, также есть деревья: дубы, березы, осины... между которого дерева множество посажено виноградных белых и красных, которые оплетаяся растут около вышеписанных

внимание уделяется внешнему виду иноземных городов, их зданиям, улицам, церквям и монастырям. Последние занимают особо видное место в путевом дневнике Толстого. Много говорится и об особенностях религиозных обрядов, о процессиях и т. д.

Характеристики крупных городов мало отличаются по существу от тех, которые давали русские путешественники XVII в. до Петра I,<sup>1</sup> хотя иногда встречаются подробности, показательные для рассматриваемого нами периода. Так, например, о Генте сказано: «Тот город обретается во Фляндрии Фляндрской, под державством испанским, фортификации не самой крепкой, вал земляной, около его и рвы мерные... Гент гораздо велик и просторен. Житие в нем зело многолюдное, дома все каменные, образом старинным, однако величеством и красотою те дома лучше антверпенского строения. Только вельми улицы не чисты и в городе много запустелых мест... В Генте исчисляется быть жителей и всякого чину людей с 15 тысяч дворов, также мужеска и женска полу до 30 тысяч душ. В том же городе 98 мостов, под которыми могут проходить большие суда, сняв мачты и еще 22 моста, под которыми не проходят суда. Мосты те все каменные» (Матвеев, стр. 45—50).

Внимание, уделенное фортификации и условиям судоходства, очень характерно для времени Петра I.

Как и обычно, путешественники отмечают роскошь дворцов знати, диковинки разных «кунсткамер», посещенных ими, а также фонтанов и садов. В Риме в палатах одного вельможи — фонтан с изображением горы, на которой «сидят десять девиц, вырезанные из камня зело предивным мастерством... а у каждой девицы в руках флейты серебряные. А за тою горою поставлены органы изрядные». Пустят воду — заиграют органы, а потом девицы «на флейтах так изрядно, что уму человеческого непостижимо» (Толстой, стр. 236—237).

Очень образно описана «Неизвестным» достопримечательная вилла Боргезе, с ее садами и фонтанами.

В четырех рассматриваемых документах много говорится и

дерев и приносят великое довольство плоду» (стр. 371). Не доезжая 6 миль до Флоренции, тот же П. А. Толстой отмечает большую частоту поселений по дороге: «есть жилье зело часто... между домами есть рощи кипарисных великих дерев».

<sup>1</sup> Например: «Флоренция город великой, больше Венеции, палаты в нем деланы особливим строением и не так, как в Римской или Венецианской областях; сквозь город Флоренцию течет великая река, называемая Арно, через ее четыре моста великие с разными фигурами. Палаты Гранд Дюка Флоренского велики и зело украшенные, тут есть превеликая церковь, вся сделана от земли и до креста из разных мраморов, а простого камня нигде нет...» (Шереметев, стр. 84).

о быте жителей в разных странах и городах: их одежде, экипажах, обычаях, развлечениях (например, о карнавалах и ассамблеях и т. п.). Перечислять все это было бы невозможно. Необходимо лишь отметить, что эти описания, несмотря на всю их поверхностность, дают известное представление о населении и его жизни во множестве стран и пунктов Западной Европы.

Русские, путешествовавшие за границу в допетровское время, обычно из отдельных отраслей хозяйственной деятельности населения посещенных ими стран наиболее всего интересовались торговлей. Как известно, при Петре I в России вопросы торговли с иностранными государствами привлекали очень большое внимание, но в приводимых описаниях им уделено мало места. Очевидно, интерес их авторов был направлен на другое. Все же кое-где мы встречаемся и с этой стороной жизни.

Так, например, П. А. Толстого поразило в Вене обилие товаров, особенно изделий из драгоценных камней и золота. В Венеции — «лавок и всяких товаров много, а паче много изрядных всяких вещей железной предивной работы и ружья» (стр. 532). В другом месте своего описания Толстой снова возвращается к торговле и ремеслу в Венеции, подчеркивая большое количество привозных товаров — французских, английских, голландских, турецких, персидских и иных. Далее перечисляется множество специалистов — «мастеровых людей: золотарей, серебрянников, столарей, фигурных мастеров, живописцов и каменного мастерства ресчиков», а также мастеров «математицких инструментов медных» (стр. 543).

Итак, все, что говорилось до сих пор, казалось бы, свидетельствует о том, что рассказы этих четырех русских путешественников мало отличаются от подобного рода произведений, относящихся к допетровскому времени XVII в. Например, в статейных списках ездивших в Италию посланников — Чемоданова (1656—1658 гг.), Лихачева (1659—1660 гг.), Желябужского (1662—1663 гг.) — уровень трактовки аналогичных вопросов приблизительно такой же. Способ изложения, рассматриваемый в общем, также мало отличен от более ранних произведений XVII в. Правда, он приобретает несколько более систематический характер.

Однако внимательный анализ рассказов Толстого, Шереметева, Матвеева и «Неизвестного» об их путешествиях позволяет уловить новые черты, появление которых обязано особенностям, присущим петровскому времени.

Это сказывается главным образом в описаниях, посвященных культурной жизни. Кроме диковинок кунсткамер, путешественники обращали большее внимание, чем их

предшественники, на библиотеки и школы. Они подробнее останавливались на этих вопросах. П. А. Толстой во многих местах говорит о виденных им книгохранилищах, пытаясь указать их объем и характер литературы. В одном из монастырей около Венеции в библиотеке 15 000 книг, стоят «...два глобоса великих зело, один небесный, а другой земноводной ...Те глобосы вокруг мерно по 4 сажени» (352 стр.). Таким образом, П. А. Толстой хорошо знал, что такое глобус и каково его назначение. Дипломаты же, посетившие Италию в 50—60-х годах XVII в., еще плохо разбирались в этом и не знали даже такого названия. Так, Чемоданов говорил о глобусах в следующих выражениях: «...в верхних палатах сделаны два яблока превеликих добре, и на тех яблоках написаны государства все и планиды и боги небесные, а те яблоки поворачиваются на все стороны». <sup>1</sup> П. А. Толстой отмечает, что в Риме печатают разные книги «и карты космографические и иные всякие», делают глобусы.

Описывая библиотеки в монастыре в Антверпене, Матвеев указывает на систематизацию по отдельным «камерам» многих тысяч книг «разных языков»: в одной камере писания «святых отцов», отдельно восточных и западных церквей, в другой — исторические всех авторов латинских, в третьей — богословские, в четвертых «всяких языков книги различные все с подписанием ясным и с нумерами на всякой из тех книг» (стр. 49).

«Неизвестный» рассказывает о монастырской библиотеке, посещенной им по дороге из Аугсбурга в Венецию примерно таким же образом и отмечает, что «ерлыки висят над каждою шкапью, подписаны какие той шкапе книги». <sup>2</sup>

Все это свидетельствует об интересе, проявленном путешественниками к библиотечному делу, и об известном умении разбираться в его технике.

Точно так же сообщается о школах, академиях, медицинских учебных заведениях в Падуе, Неаполе, Париже и других городах. Называются преподаваемые в них предметы и число учащихся. Матвеев говорит о воспитании детей «высоких фамилий» во Франции «в разных языках и во всех свободных науках, особливо в математике, географии, геометрии, арифметике, в воинских обучении и конной езде... и потом в танцах и пении...». Таких примеров можно привести множество. Зная интерес Петра I к наукам и учебным заведениям, его посланцы в Западную Европу отмечали виденное ими в этих областях.

<sup>1</sup> Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных, т. 10. СПб., 1871, стр. 116.

<sup>2</sup> Отечественные записки. 1830. № 123.



Нередко большее внимание, чем у путешественников допетровского времени, проявлялось к истории и административно-политическому устройству посещаемых стран, хотя эти разделы в описаниях занимают все еще очень незначительное место и весьма поверхностны.

Заслуживает быть особо подчеркнутым то обстоятельство, что, описывая различные особенности быта и культуры Западной Европы, привлекая их внимание, петровские посланцы указывают также и на крупные отрицательные стороны зарубежной жизни. Так, например, Матвеев дает весьма знаменательную характеристику положения французских провинций при Людовике XIV: «от французского города Меле<sup>1</sup> по пути, по обеим сторонам селы великие и жилые и в них везде костелы и каменные старинные, но поселянство в тех селах от поборов королевских изнуренное, в конечной пребывает скудости, лошади и ослы и скот гораздо мелок» (стр. 53).

Как видно из всего сказанного, в описаниях путешественников в Западную Европу во времена Петра I, так же как и в допетровское время, главное место занимали вопросы, которые мы теперь относим к области экономической географии и этнографии. Гораздо меньше внимания уделялось физической географии. Но все же применительно и к этой области в описаниях встречаются места, заслуживающие быть отмеченными и стоящие на более высоком уровне, чем аналогичные описания в путешествиях на Запад в середине XVII в.

Прежде всего, это относится к описанию вулканов: Везувия, Этны, Стромболи.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Возможно, Мелен.

<sup>2</sup> Приведем несколько выдержек из описания этих вулканов: «Не доезжая Неаполя за две мили итальянских на левой стороне есть гора зело высока, которая непрестанно от сотворения света горит, и в день от той горы великой курится дым, а ночью бывает виден и огонь...» (Толстой, стр. 25). «От оного города с десять миль стоит гора превеликая, называемая Везувия, которая непрестанно горит, и в день огонь видно. а паче дым превеликим столпом идет, а в ночи то лучше видно...» (Шереметев, стр. 54).

О Стромболи: «...гора, которая зовется Стромболий, круг ее 15 миль, а на верху той горы непрестанно горит мили на две кругом...» (он же, стр. 56).

Тот же Шереметев описывает Этну и недавнее ее извержение: «...гора превысока, именуемая Этна, которая горит великим пламенем и выкидывает из нее огненные превеликие камни и по той горе часто бывают источники огненные. А во 189 от рождества Христова 1681 года из той горы протекли великие огненные лавы и текли по обе стороны того города (Катания.— Д. Л.), шириною на милю де захватив того города, и здание все, которое в тех местах было, и виноградные и иных многих дерев сады пожгло и не токмо то, но и горы каменные от того огня развалилися, и море в то время от того огня на несколько сажен уступило, которого течения лав было три дни, и на тех местах и дондесь не рас-

Хорошо описаны и некоторые другие замечательные явления природы. Так, например, П. А. Толстой, со свойственной русским путешественникам точностью, описывает так называемую собачью пещеру около Неаполя: «...в той пещуре от земли воздух тягостный, который скоро умерщвляет всякое животное, человека и скота, и зверя, и птицу, а высоту от земли того заразительного воздуха только на четверть аршина и человеку войти в ту пещуру свободно, только наклониться низко головою или лечь в той пещуре невозможно» (стр. 30).

П. А. Толстой же, хотя и не точно, но кое-где уже отмечает географические координаты. Например: Неаполь «...близок к экватору, всего высоты на сороке трех градусов, а в лете жары от солнца бывают в Неаполе непомерны». Мальта имеет «высотность поля 39 градусов».<sup>1</sup>

В работах указанных выше путешественников встречаются замечания и о других физико-географических особенностях посещенных ими стран: климате, растительном и животном мире. Но они редки и имеют поверхностный характер.

В заключение настоящего раздела остановимся на путешествии Б. И. Куракина. Б. И. Куракин принадлежал к числу образованнейших людей петровского времени и выполнил ряд ответственных дипломатических поручений. В 1697 г. он в числе других знатных лиц был послан в Италию для изучения морского дела. В 1705—1706 гг. находился за границей «для лечения». В 1707 г. был отправлен с дипломатической целью в Рим, затем был послом в Лондоне, Ганновере, Нидерландах, Франции. Б. И. Куракин оставил дневник и путевые заметки, касающиеся его заграничных путешествий в течение 1705—1710 гг.<sup>2</sup>

Ведя изложение в маршрутном порядке, Б. И. Куракин указывает расстояния между отдельными пунктами в верстах или иностранных мерах. Определение пройденного пути днями, столь характерное для XVII в., в петровское время вообще встречается редко (главным образом в донесениях сибирских служилых людей). Наряду с записями по маршруту имеются особые разделы, содержащие описания, посвященные какой-либо стране, городу или отдельному вопросу, например:

тет ничего... Как сказывают, погибла не только Катания, но и близлежащие города и села тоже претерпели, отчего де погибло людей со 150 000» (стр. 57—58).

<sup>1</sup> В действительности Неаполь лежит на 40° 51' с. ш., Мальта — около 35° с. ш.

<sup>2</sup> Архив князя Ф. А. Куракина, издаваемый под ред. М. И. Семевского. Дневник и путевые записки князя Бориса Ивановича Куракина. Изд. ред. журнала «Русская Старина», кн. 1. СПб., 1890, т. 65, стр. 101—240. В дальнейшем изложении при цитатах приводятся страницы этого источника.

«Буду объявить о провинции Англии, что мог здесь про-  
вести». Или: «теперь явлю и о деньгах», «теперь будем  
писать о Hamburgo» (т. е. Гамбурге) <sup>1</sup> и т. п.

Приводимые Б. И. Куракиным физико-географические  
характеристики посещенных стран, занимающие, как и в опи-  
саниях других путешественников того же времени, второсте-  
пенное место, мало чем от них отличаются. Внимание сосре-  
доточено на изображении населенных пунктов, а также быта  
жителей иностранных государств. В этой части дневник и путе-  
вые заметки дают более систематическое, разностороннее и  
подробное описание, хотя последнее носит поверхностный  
характер и касается высших и вообще более зажиточных  
слоев. О других слоях населения встречается всего одно-два  
беглых упоминания.

Поэтому, не останавливаясь далее на этих частях дневни-  
ка Б. И. Куракина, отметим более широкие и интересные, чем  
у других авторов, замечания его по поводу финансов, торгов-  
ли и их организации, обнаруживающие интерес к географиче-  
ским связям, возникающим на этой почве между отдельными  
пунктами. <sup>2</sup>

<sup>1</sup> Сами по себе подобного рода отступления от обычного характера  
повествования в порядке маршрута не новы. Они встречались и до вре-  
мени Петра I, например, в материалах посольства Спафария.

<sup>2</sup> Приведем несколько примеров подобных замечаний, разбросанных  
в дневнике и путевых заметках Б. И. Куракина:

В Смоленске торговля «... гораздо средственна, больше имеют согла-  
сие в торгах, до Риги отправляются водою: до Поречья сухим путем  
60 в., а с Поречья водою рекою и в Двину, аж в самую Ригу» (стр. 102).

Виленское «...купечество имеют путь до Кролевца и путь свой про-  
вдят водою, рекою Вилею и в реку Мемль, а Мемлем в Кролевец, ко-  
торый по немецки называется Кенигсберг... расстояние от Вильно  
60 миль — т. е. 300 верст» (стр. 110).

В «Лейпцихе (Лейпциге.— Д. Л.) ...бывает в год три феры (la foire)  
или три ярманки, на которых купечество славное живет со всей части  
Европы, как наприклад: из Франции, из Голландии, из Италии и других...  
а ярманки бывают по две недели... и на той ярманке бывают великие  
векселя на всю Европу и в Индию, кому нужна брать куды денег; и  
другая ярманка ей подобная во всей Германии — Франкфурт, которой  
город близ реки Рейна, вольной город, и также в том три разы в год  
бывает» (стр. 125).

Особо отмечает Б. И. Куракин морские торговые связи Амстердама:  
«...во всем Амстердаме 8 ворот. Приход кораблям из Ост-Индии в год  
дважды, а сказывают, ходу в Ост-Индию восемь месяцев, а в Вест-Ин-  
дию три месяца и четыре, откуль идет порцелн (фарфор.— Д. Л.), камки  
китайские и другие вещи: сахар и всякие шпелци — корица, гвоздика,  
мушкат и прочее. Люди там, сказывают, желтые и смуглые, комплек-  
цию, как арапы» (стр. 135).

Пути в Индию, как мы видели раньше, очень интересовали Петра I  
и его ближайших соратников, к которым принадлежал и Куракин.

В другом месте, говоря о том же Амстердаме, Б. И. Куракин под-  
черкивает, что в нем: «...купечество великое, которое в Европе боль-

Наконец, значительное место уделяется политическому устройству или, как бы мы теперь сказали, политической географии отдельных государств, т. е. тому разделу, который почти полностью отсутствует в рассмотренных до этого материалах о путешествиях на Запад.

Описываются особенности политической организации Голландии, перечисляются 7 голландских провинций и 10 «загишпаном и французом».

«В Англии все отправляется с парламенту, только их парламент есть двема способами и консилии их бывають двема парламенты. Первый парламент называется «гогор-гоус», в котором дуки, князи, бискупы и графы или больших фамилий люди, которой парламент больше не бывает в 80 персонах или во 100 персонах, которые в консилии своем отправляют дела государственные и военные. Другой называется «лаг-гоус»,<sup>1</sup> в котором бывають депутаты от провинций из городов и от слобот, по нашему посацкие люди, в котором консилиум советует о торгах и о сборах денег или об иных каких податях и об иных внутренних делах своего государства или земских делах, а не о посторонних,<sup>2</sup> в котором парламенте бывает 400 персон и до 500 человек». Далее Б. И. Куракин говорит, что решения должны быть приняты обоими парламентами, чтобы получить законную силу, и добавляет: «...особливее все так говорят, что другой парламент лаг-гоус сильнее первого парламента гогор-гоус. И потом должно то предложить перед короля, только ему во свидетельство, что сделано и приговорено быть так, а не для того, чтоб королю переделат приговор парламентов и не может того сделать» (стр. 145—146).

Как видим, здесь в упрощенной форме, но все же правильно переданы основы конституции Англии, взаимоотношения верхней («гогор-гоус») и нижней («лаг-гоус») палат и короля. Отмечена большая роль нижней палаты и ограниченное значение королевской власти. Такой сравнительно четкой характеристики государственного устройства чужой страны, хотя бы и в самой общей форме, в других рассмотренных материалах не встречалось.

Таков характер географических описаний, имеющихсся в записках указанных выше путешественников в Западную Европу.

ше всех считается, и народ все живет торговый и весьма богатый — так сподеваются, что нигде и сказывают, будто в день приходит в ратушу денег по 50 тысяч ефимков и так бы было в год 18 миллионов и 250 тысяч».

<sup>1</sup> Дук — герцог, бискуп — епископ, гогор-гоус — верхняя палата, или палата лордов, лаг-гоус — нижняя палата, или палата общин.

<sup>2</sup> Посторонние дела — международные, внешнеполитические сношения.



Один из них — П. А. Толстой — вскоре после возвращения из Италии был в ноябре 1701 г. назначен послом в Турцию и из Ясс и Адрианополя в 1703 г. переехал в Константинополь. Он составил «Обстоятельное разностороннее описание Турции». Написано оно в виде подробных ответов на статьи наказа, данного Толстому при отправлении его послом, об управлении, войске, флоте, народном благосостоянии, торговле в Турции и о различных областях и народах, подвластных султану.<sup>1</sup> Это «Описание состояния народа турецкого» представляет собою официальный документ, дающий политическое и географическое описание Турецкой империи, далеко выходящее за пределы обычного статейного списка.<sup>2</sup>

«Источники его трудно определить, но несомненно, что к заимствованиям из книг и из рассказов он прибавил немало собственных своих наблюдений и все это изложил с той же разумностью, с той же деловитостью, какими отличается его описание Италии».<sup>3</sup>

В «Описании...» содержатся подробные сведения о торговле Турции, о жизненном значении для нее продуктов земледелия и скотоводства, привозимых с Черного моря. Большое внимание, конечно, обращается на состояние флота и войска. Краткие данные приводятся и об отдаленных областях Турции: Ниневии, Месопотамии, где «жилища древние ныне стоят уже пусты и не обитают в них человецы, токмо львы и прочие звери».<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Н. Павлов-Сильванский. Очерки по русской истории XVIII—XIX в. СПб., 1910, стр. 22—23.

<sup>2</sup> Краткое упоминание в данном разделе об этой работе приводится для того, чтобы не возвращаться более к путешествиям П. А. Толстого.

<sup>3</sup> Н. Павлов-Сильванский. Там же, стр. 22.

<sup>4</sup> Там же, стр. 24.

## ГЛАВНЕЙШИЕ ЧЕРТЫ КАРТОГРАФИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Известно, какое огромное значение Петр I придавал развитию русской картографии. Недаром он в конце своего царствования включил в «генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии подданнейше поступать имеют», специальную главу XLVIII «О ландкартах или чертежах государевых»: «И дабы каждый коллегииум о состоянии государства и о принадлежащих к оному провинциях подлинную ведомость и известие получать мог; того ради надлежит в каждой коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты или чертежи, которые по времени изготовлены быть имеют, именно: описать все границы, реки, города, местечка, церкви, деревни, леса и прочее».<sup>1</sup> Потребности государства настойчиво требовали усовершенствования геодезического и картографического дела.

Работы, осуществляемые в этой области, проводились одновременно по нескольким направлениям: создание в России граверного дела, публикация, путем печати, карт, организация и производство новых съемок, подготовка необходимых геодезических кадров. С именем Петра I связано начало широкой научной организации русской картографии.

XVII век в допетровской России характеризовался значительным развитием картографических работ, в числе которых были и работы, огромные как по своему масштабу, так и по сложности («Большой чертеж», исправлявшийся в XVII в., сводные чертежи по Сибири и т. д.). Однако все они, при несомненном и громадном положительном значении не только для русской, но и для мировой картографии, проводились на невысоком техническом уровне. Это были, выражаясь точно, не карты, а именно «чертежи», лишенные градусной сетки и определенной проекции и составленные без инструменталь-

<sup>1</sup> П. С. З., т. VI, § 3534.

ных измерений и соблюдения других необходимых научных приемов. Кроме того, хотя их широко использовали для своих печатных картографических работ западноевропейские ученые, но самые «чертежи», как таковые, никогда в XVII в. не опубликовывались.

Единственным исключением можно считать чертеж Сибири 1667 г., составленный под руководством стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова. По мнению большинства исследователей, он был отпечатан в конце XVII в. в Германии. Однако даже и этот единичный случай нельзя считать совершенно бесспорным. В самой же допетровской России не было издано ни одного «чертежа».<sup>1</sup>

#### ПЕЧАТАНИЕ РУССКИХ КАРТ ЗА ГРАНИЦЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕЧАТНОГО КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Петр I прежде всего прибег к печатанию нужных ему карт за границей, выдав голландцу Тессингу соответствующее монопольное разрешение (см. дальше раздел о географической литературе). Последним в 1699 г. в Амстердаме была издана одна из известнейших русских карт конца XVII в.

В. Кордт, опубликовавший копию с нее в своих «Материалах по истории русской картографии»,<sup>2</sup> назвал ее картой «Западной и Южной России» (см. фиг. 6 и 6а).

Основным содержанием карты является часть территории Европейской России, расположенная к югу от 60° с. ш. Таким образом, Смоленск и Москва оказываются почти на северной границе карты. Изгиб р. Дона — ее крайняя восточная граница. На западе же показана небольшая часть Польши («*Part Poloniae*»), примыкающая к России.

Юг карты включает Крым и Азовское и Черное моря с их побережьями. Таким образом, содержание карты шире заглавия, данного ей уже В. Кордтом. Однако основное ее значение заключается не в изображении территорий, лежащих за пределами России того времени и, естественно, составленных на основе нерусских материалов. Главная ценность карты — очень точное для своего времени изображение Европейской России в указанных пределах и, в частности, системы Дона.

<sup>1</sup> Характеристика допетровской картографии XVII в. и ее влияния на западноевропейскую дана в нашей работе «География в России XVII века (допетровской эпохи)». М.—Л., 1949.

<sup>2</sup> В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. 2. Карты всей России и западных ее областей до конца XVII в. Киев, 1910, табл. XLI.

Вопрос о составителях этой исключительной карты привлекал большое внимание исследователей и до сих пор требует известного уточнения. В. Кордт в пояснительном тексте к ней<sup>1</sup> приводит соображения различных авторов: Байер считал, что она была составлена Я. В. Брюсом по съемкам Ю. А. Менгдена. Того же мнения придерживались Г. Ф. Миллер и И. И. Голиков. П. Майков приписывал ее одному Я. В. Брюсу, не называя Ю. А. Менгдена, но и не опровергая прямо мнение Байера.

Сам В. Кордт пишет: «Я считаю этот вопрос пока еще открытым и полагаю, что в пользу Байера говорит то обстоятельство, что и впоследствии, в 1698 г., Петр Великий поручал Менгдену инженерные работы... Что же касается черчения карты, то Я. Брюс, как истинный любитель математики и естественных наук, был без сомнения подходящей для этого личностью». И действительно, Я. В. Брюс, уроженец г. Москвы, один из крупных деятелей петровского времени, генерал-фельдцейхмейстер, бывший с 1717 г. президентом Берг- и Мануфактур-коллегии и сенатором, наблюдал за ходом всего типографского дела в России и являлся одним из руководителей картографических работ. Ю. А. Менгден, также, по видимому, родившийся в Москве, — полковник Преображенского полка, впоследствии генерал, много занимался картографическими работами.

Как видим, соображения В. Кордта (как и указанных им исследователей) основывались на косвенных умозаключениях. Г. И. Танфильев (География России, ч. I. Одесса, 1916) упоминает одного Ю. А. Менгдена в качестве составителя этой карты.

Так обстояло дело с выяснением авторов этой карты в специальной русской дореволюционной литературе.

В рукописном отделе Библиотеки Академии Наук СССР была обнаружена карта (ныне хранящаяся под № 311), снабженная русскими надписями и латинским заглавием, гласящим в переводе на русский язык: «Географическая карта частей Малой и Великой России, начерченная после Азовской экспедиции 1696 г... Яковом Брюсом... ныне фельдмаршалом. Съемки областей сделаны... ныне генерал майором... Менгденом». Далее содержится указание на то, что карта была выгравирована на меди, снабжена латинскими и русскими надписями и посвящена Петру I Иоганном Тессингом (см. фиг. 6а).

Конечно, слова «съемки областей» нельзя понимать в том смысле, что Ю. А. Менгден действительно произвел геодезические работы на всей изображенной на карте территории.

<sup>1</sup> Там же, стр. 26—27.





Фиг. 6. Карта Западной и Южной России Я. В. Брюса и Ю. А. Менгдена, изданная в 1699 г. Тессингом. (Опубликована В. Кордтом в «Материалах по истории русской картографии», вып. 2, табл. XLI. Киев, 1910)

Его съемки относились главным образом к районам, расположенным по течению Дона, к местам, через которые прошла русская армия. Остальные районы западной и южной частей России составлены на основании других русских картографических материалов, бывших в распоряжении обоих указанных выше лиц. Что касается юга карты, изображающего территории, лежащие за пределами России, особенно Черного моря, то для них должны были быть использованы некоторые иностранные источники. Они с точки зрения ее составителей имели второстепенное значение, что подтверждается и самим названием карты: «Частей Малой и Великой России».

Карта была впервые воспроизведена в приложении к I тому капитального труда академика М. М. Богословского «Петр I». В примечаниях, имеющих в конце книги, говорится, что Тессинг эту карту «повидимому, не успел выпустить в свет» (он умер в 1701 г.). По крайней мере, о существовании такой карты сведений нет.<sup>1</sup> Далее указано, что наименование Я. В. Брюса генерал-фельдмаршалом заставляет считать карту, хранящуюся в Библиотеке Академии Наук СССР, копией, снятой с подлинной карты при жизни Я. В. Брюса между 1727 г. (дата получения им чина генерал-фельдмаршала) и 1735 г. (дата смерти). Таким образом, получается, что между временем отсылки карты Тессингу и снятием с нее копии прошло не менее 27—28 лет. Но важно не это, а то, что никаких сопоставлений по существу содержания рукописной карты и отпечатанной Тессингом в 1699 г. сделано не было.

В сноске к тексту, имеющейся в томе II того же труда М. М. Богословского, мы видим уже другое. В ней говорится о карте западной и южной частей России 1699 г. Тессинга, воспроизведенной В. Кордтом, и утверждается, что «в томе I настоящего издания помещен снимок с рукописной копии этой карты (разрядка моя.—Д. Л.), но с русскими надписями и именами составителей, которых нет на печатной латинской карте ...Очевидно, Тессинг должен был издать эту карту в двух вариантах: один с латинскими, другой с русскими надписями. Последний вариант в печатном виде неизвестен и по всей вероятности не появлялся вовсе, иначе трудно представить себе, зачем Брюсу понадобился бы рукописный экземпляр этой карты».<sup>2</sup>

Здесь мы имеем уже прямое утверждение, что с оригинала рукописной карты Я. В. Брюса и Ю. А. Менгдена, копия которой хранится в Библиотеке Академии Наук СССР, была

<sup>1</sup> М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. I. М., 1940, прим. на стр. 399.

<sup>2</sup> Там же, т. II. Первое заграничное путешествие. М., 1941, стр. 429 (примечание).





Фиг. 6а. Рукописная карта частей Малой и Великой России  
Я. В. Брюса и Ю. А. Менгдена. (Рукописный отдел Библиотеки  
АН СССР, № 311)

отпечатана Тессингом в 1699 г. карта, отличающаяся лишь латинскими заглавиями.

Однако никакого сличения этих двух карт по существу снова не было произведено, а без этого, конечно, нельзя окончательно решить вопрос об источниках карты, изданной Тессингом.

В. Ф. Гнучева, придерживающаяся в своем очень ценном исследовании о Географическом департаменте Академии Наук того же мнения, также не приводит других доказательств, кроме ссылки на указанный выше заголовок рукописной карты, «опущенный в издании Тессинга».<sup>1</sup>

Детальный анализ содержания обеих этих карт позволяет сделать следующие выводы.

Хранящаяся в Библиотеке Академии Наук СССР рукописная карта не является точной копией карты, изданной Тессингом в 1699 г. Тщательное сличение их обнаруживает некоторые отличия, хотя и весьма незначительные. Отличия эти касаются главным образом юга, прилегающего к Черному морю, например, несколько, хотя и весьма немного, различаются очертания Крымского полуострова. На территории Крыма в печатной карте приведено больше надписей, чем в рукописной. На печатной карте в северо-восточной части Азовского моря недалеко от устья Дона показан небольшой остров, отсутствующий в рукописном экземпляре. Некоторые отличия имеются в изображении небольшого района, прилегающего к устью Днепра, и в относительном направлении нижних течений этой реки и Буга.

Западные границы печатной карты незначительно отодвинуты по сравнению с рукописной и несколько больше захватывают польские территории. Кроме того, на севере в верхнем течении Днепра показаны некоторые притоки, отсутствующие в рукописном экземпляре. Есть и другие мелкие несовпадения. Однако различия между обеими сравниваемыми картами очень незначительны и касаются лишь отдельных деталей. В остальном же содержание их совпадает или почти совпадает (фиг. 6б, 6в).

В этом убеждает даже простое сопоставление относительного расположения на картах таких крупных надписей, как: «Малыя России» и, соответственно: «*Pars Russiae Minoris*», «Часть Великия России» и «*Pars Russiae Maximae*», или более мелких, например, «Севских полков» и «*Çeviensis Exercitus*» и ряда других. Изображение же такой важнейшей части, как система р. Дона, тождественно или почти тождественно.

<sup>1</sup> В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии Наук XVIII века. М.—Л., 1946, стр. 17—18.



То же можно сказать о течении р. Днепра и о преобладающем большинстве населенных пунктов, нанесенных на обе карты.

Таким образом, не остается никакого сомнения в том, что Тессингом была использована именно карта, составленная Я. В. Брюсом и Ю. А. Менгденом. Неясным остается только один вопрос: как, все же, можно объяснить различия, существующие в деталях печатной карты 1699 г. и рукописного экземпляра, хранящегося в Академии Наук СССР?

Здесь возможны два толкования. Тессингу мог быть послан не тот оригинал, точная копия с которого хранится в Академии Наук СССР, а какой-то другой рукописный вариант той же карты, составленной Я. В. Брюсом по съемкам Ю. А. Менгдена после Азовского похода 1696 г.

Не исключена также возможность, что Тессинг сам внес несущественные изменения в полученную карту, точная копия с которой хранится в Академии Наук.

Незначительность различий обеих сравниваемых карт дала полное основание не оговаривать их в заглавии, имеющемся в рукописном экземпляре, хранящемся в Академии Наук СССР. В нем лишь подчеркивалось, кем в действительности была составлена карта, что являлось весьма существенным, так как Тессинг в печатной карте 1699 г. не указал имен ее авторов.

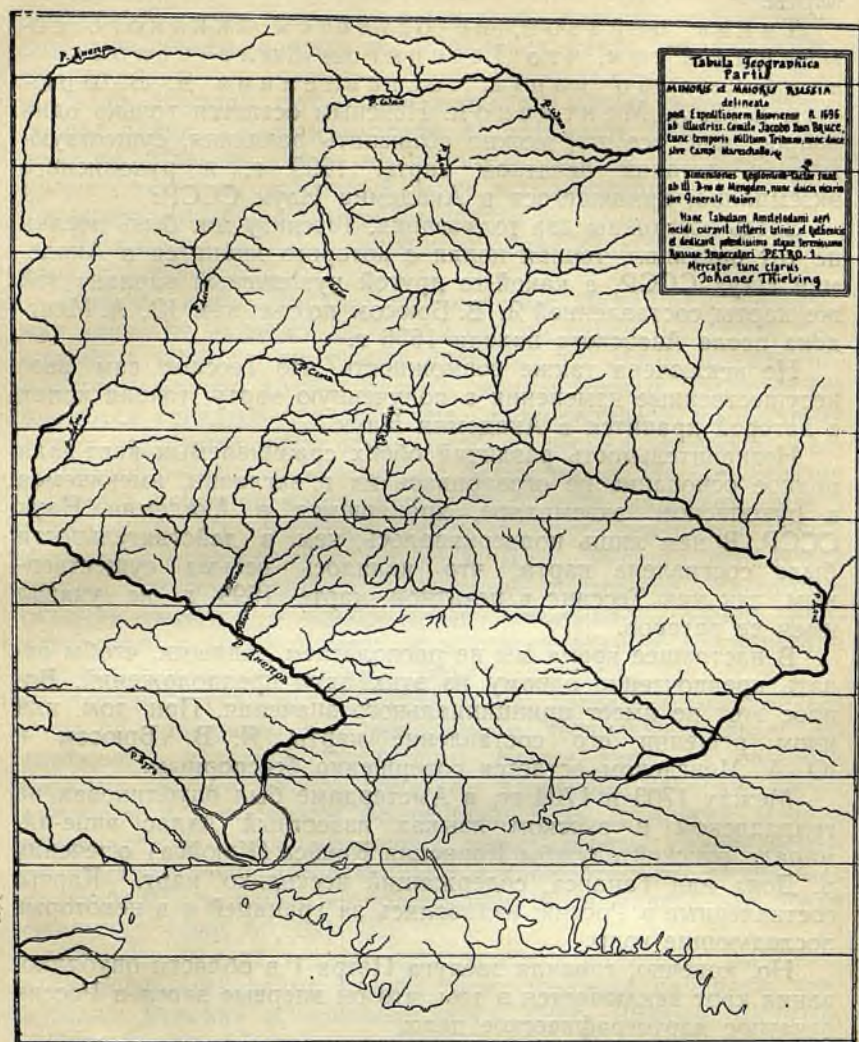
В настоящее время мы не располагаем данными, чтобы отдать предпочтение одному из этих двух предположений. Вопрос этот не имеет принципиального значения. При том или ином решении его составление карты Я. В. Брюсом и Ю. А. Менгденом остается совершенно бесспорным.

Между 1703 и 1704 гг. в Амстердаме был опубликован на голландском и русском языках известный Атлас вице-адмирала русской службы Корнелия Крейса (Крюйса) о течении р. Дона или Танаиса, содержащий несколько карт.<sup>1</sup> Карты, составленные в России, издавались за границей и в некоторые последующие годы.

Но, конечно, главная заслуга Петра I в области опубликования карт заключается в том, что он впервые завел в России печатное картографическое дело.

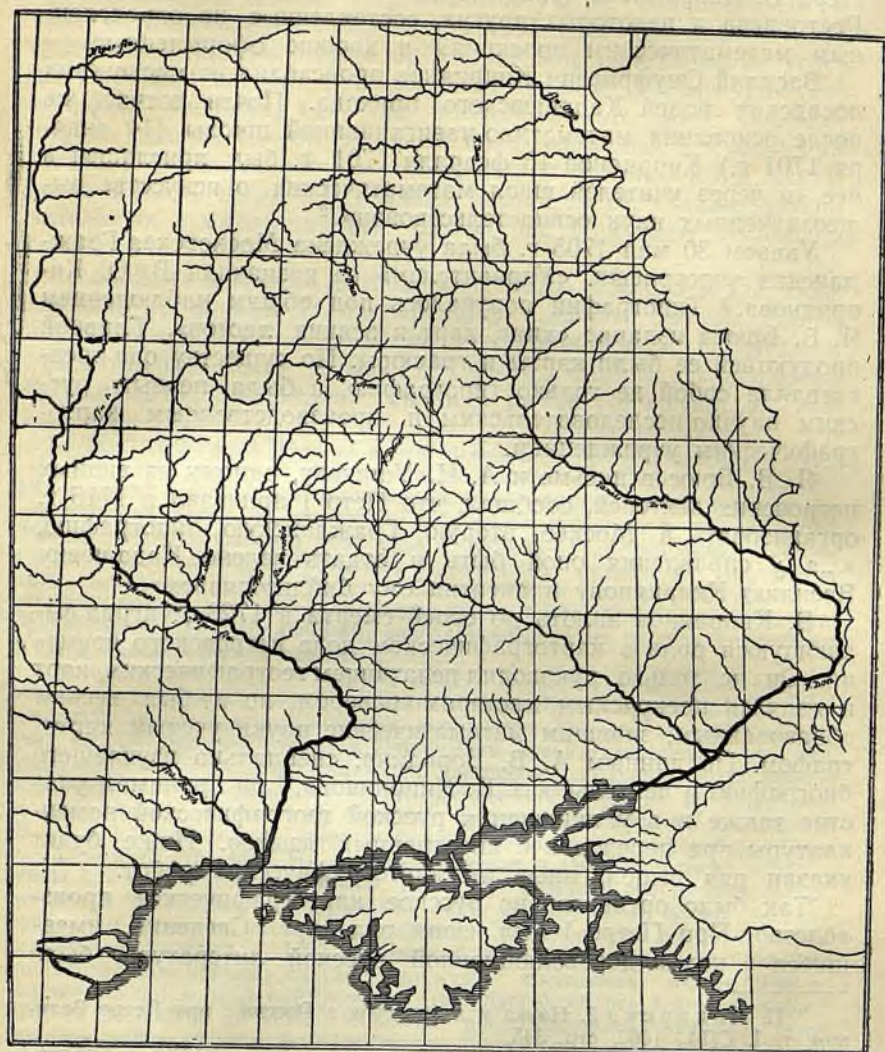
В 1699 г. в Москве работал голландский гравер Адриан Шхонебек. Повидимому, в 1701 г. была напечатана первая

<sup>1</sup> До сих пор не удалось установить вполне точно, в каком году вышел этот атлас — в 1703 или в 1704 г. В. В. Бабынин (Русская физико-математическая библиография, т. I, вып. I. М., 1885) и Г. И. Танфильев (География России, ч. I. Одесса, 1916, стр. 98) считают, что это был конец 1703 г. или начало 1704 г.



Фиг. 6б. Гидрографическая сеть на карте Я. В. Брюса и Ю. А. Менгдена, опубликованной в 1699 г. Тессингом





Фиг. 6в. Гидрографическая сеть на карте Я. В. Брюса и Ю. А. Менгдена.  
(Рукописный отдел Библиотеки АН СССР, № 311)

награвированная им карта части Азовского моря.<sup>1</sup> Вскоре появились карты работы знаменитого в то время русского мастера В. Киприянова (Киприанова), а затем Алексея Зубова, Ростовцева и некоторых других, составленные по определенным математическим проекциям и хорошо оформленные.

Василий Онуфриевич Киприянов происходил из московских посадских людей Кадашевского прихода. Почти тотчас же после основания математико-навигационной школы (14 января 1701 г.) Киприянов 16 февраля 1701 г. был приглашен в нее «и через учителей школ математических о искусстве вышеозначенных наук освидетельствован».<sup>2</sup>

Указом 30 мая 1705 г. была учреждена Московская Гражданская типография. «Управителем» ее назначили В. О. Киприянова.<sup>3</sup> Типографии поручалось под общим наблюдением Я. В. Брюса издание «книг, карт и всяких листов». Главной продукцией ее были карты и гравюры. По существу она представляла собой не только типографию, а была первым русским научно-исследовательским и производственным картографическим учреждением.

Я. В. Брюс в письме к А. И. Ушакову, одному из видных петровских деятелей, сообщал, что Петр I приказал в 1715 г. организовать в Москве вторую Гражданскую типографию, «...а у справления оной быть и отдать велено Кадашевцу Василию Киприянову и писатца ему библиотекарем».<sup>4</sup>

В. Киприянов вплоть до своей смерти в 1723 г. играл выдающуюся роль в картографическом деле петровского времени. Он не только руководил печатанием географических карт и являлся прекрасным мастером-гравером, но и был весьма образованным, знавшим математические науки ученым картографом. По данным А. В. Бородина, специально изучавшего биографию и деятельность В. Киприянова,<sup>5</sup> он принимал участие также и в установлении русской географической номенклатуры при переводах с иностранных языков. Ниже будет указан ряд выполненных им картографических работ.

Так было организовано русское картографическое производство. При Петре I был издан ряд карт. Сведения, имевшиеся о них в дореволюционной русской литературе, были

<sup>1</sup> П. Пекарский. Наука и литература в России... при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 345.

<sup>2</sup> А. В. Бородин. Московская Гражданская типография и библиотекари Киприяновы. Труды Ин-та книги, документа, письма, V. Статьи и материалы по истории книги в России. М.—Л., АН СССР, 1936, стр. 87.

<sup>3</sup> Там же, стр. 59.

<sup>4</sup> М. Д. Хмыров. Сведения о Василии Киприянове, библиотекаре Московской Гражданской типографии при Петре I.—Русский архив, год четвертый, 1866, № 8—9, стр. 1299.

<sup>5</sup> См. ранее указанную работу А. В. Бородина.